

На правах рукописи

ЧИКРИЗОВА Ольга Сергеевна

СУННИТО-ШИИТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ
ВОСТОКЕ: МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(1979–2024 гг.)

Специальность 5.6.7 – История международных отношений и внешней
политики

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук

Москва, 2026

Работа выполнена на кафедре теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Научный консультант: **ПОНОМАРЕНКО Людмила Васильевна,**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **ДОЛГОВ Борис Васильевич,**
доктор исторических наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт востоковедения Российской академии наук»,
ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований

ЖЕРЛИЦЫНА Наталья Александровна,
доктор исторических наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт Африки Российской академии наук»,
заместитель директора по науке, главный научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии

ФИЛИН Никита Александрович,
доктор исторических наук, доцент
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет», декан факультета востоковедения и африканистики Института евразийских и восточных исследований, заведующий кафедрой современного Востока и Африки

ЦИБЕНКО Вероника Витальевна,
доктор исторических наук, доцент
Федеральное государственное автономное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»,
директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований

Защита состоится « ____ » _____ 2026 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета ПДС 1000.009 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета ПДС 1000.009
кандидат исторических наук, доцент

Т.И. Понька

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, протекающий в данный момент процесс трансформации мирового порядка, связанный со становлением многополярности, сопровождается стремлением ряда государств, желающих стать одним из новых центров силы, распространить собственную модель развития на государства, входящие в их сферу влияния, в том числе посредством инструментов мягкосилового потенциала, к коим относится и религия. Собственную модель развития и государственного устройства распространяет Турция, предлагающая соседним странам эффективное сочетание умеренного ислама и демократии. В свою очередь Иран подчеркивает те сильные стороны в своей модели, которые позволяли Исламской Республике в течение более чем четырех десятилетий противостоять давлению многочисленных санкций.

Все эти модели также противостоят моделям развития, агрессивно навязываемым радикальными исламистскими группировками, которые выдают себя за борцов за чистоту исламского вероучения, а на деле являются лишь масштабными коммерческими проектами, нацеленными на зарабатывание денег. При этом само существование таких группировок, а также их активная деятельность по вербовке новых сторонников дискредитируют ислам и сообщество его последователей, способствуют росту исламофобии (и шире — религиофобии) по всему миру, а также создают атмосферу тотального страха, поскольку такие группировки не щадят никого из тех, кто с ними не согласен, — ни христиан или иудеев, ни самих мусульман.

В контексте вышеизложенного изучение особенностей моделей развития, предлагаемых государствами Ближнего Востока, представляется чрезвычайно актуальным, поскольку позволяет выявить конкурентные преимущества и недостатки этих моделей, а также оценить возможности имплементации этих моделей в различных государствах «мира ислама» на современном этапе их развития.

Во-вторых, в условиях продолжающейся глобализации, как известно, параллельно наблюдается противоположный процесс, связанный со стремлением отдельных сообществ сохранить свою идентичность, не подвергнувшись «поглощению» со стороны доминирующей культуры. В этой связи такие сообщества все активнее отстаивают собственную языковую, культурную, этническую и религиозную самобытность, а также защищают традиционные общественные структуры, в частности кланово-племенную или коммуналистскую. Более того, все более значимую роль начинают играть так называемые нетрадиционные акторы — негосударственные субъекты,

неправительственные организации, а также отдельные сообщества, например этноконфессиональные группы, которые выступают сторонами конфликтов. Одними из наиболее многочисленных и активных являются сообщества внутри «мира ислама» — сунниты и шииты, находящиеся в состоянии длительного противостояния за политическое и интеллектуальное лидерство в мусульманской умме. В этой связи остро стоит проблема субъектности таких сообществ, тесно сопряженная с тем, каким образом этноконфессиональные сообщества могут быть изучены и вписаны в существующие парадигмы международных отношений или же требуются новые парадигмы, которые бы включали такие сообщества в число полноценных акторов международных отношений.

В-третьих, в настоящее время насущным является вопрос понимания роли суннито-шиитских противоречий в отношениях между отдельными государствами, особенно Саудовской Аравией и Ираном, поскольку цикличное развитие их двусторонних отношений заставляет обратить внимание на тот факт, что кризисы чаще всего связаны с конфессиональным фактором (в частности, в 2016 г., когда стороны разорвали дипломатические отношения). В связи с тем, что в марте 2023 г. при посредничестве Китая стороны договорились о восстановлении дипломатических отношений и начале конструктивного диалога, очень актуальным видится поиск исторических предпосылок соперничества между этими государствами, а также выявления основных противоречий между ними в политической и религиозной сферах, так как ислам не разделяет эти сферы между собой. В свою очередь, осмысление этих противоречий, а также обращение к истории суннито-шиитского взаимодействия также позволяет найти факторы, которые могут способствовать сближению как двух государств, так и сообществ суннитов и шиитов в целом.

Наконец, актуальность темы данного исследования проистекает из влияния межконфессиональных противоречий на целый ряд внутригосударственных конфликтов и кризисов на Ближнем Востоке, которые дестабилизируют региональную ситуацию и приводят или могут привести к вмешательству внешних акторов. Речь идет, в первую очередь, об иракском, сирийском и йеменском конфликтах, а также о продолжающемся внутривосточном кризисе внутри Ливана и чувствительной межконфессиональной ситуации на Аравийском полуострове. Во всех этих конфликтах и кризисах присутствует аспект суннито-шиитского противостояния, однако в каждом случае он проявляется по-разному, нередко являясь привнесенным «извне» и очень политизированным. Данная проблема требует глубокой проработки, и представленное диссертационное исследование призвано внести вклад в осмысление указанной проблемы.

Степень научной разработанности темы. В ходе исследования автор опирался на широкий пласт исследовательской литературы на русском, английском, арабском и французском языках. Работы, затрагивающие проблематику суннитско-шиитских отношений, можно условно разделить на четыре больших тематических блока.

В первом блоке объединены теоретические исследования, касающиеся глобальной системы международных отношений и этапов ее развития. Речь идет о работах А.Д. Богатурова¹, Б. Бузана и Р. Литтла², Р. Хиннебуша³, Л. Чиксманна и Э. Розки⁴ и др.

Второй блок — это теоретические исследования ближневосточной подсистемы международных отношений (БВПМО). К данной теме обращались В.Г. Барановский⁵, А.Д. Богатуров⁶, М. Легренци⁷, В.А. Кузнецов, В.В. Наумкин⁸, А.Б. Подцероб⁹, Д.С. Поляков¹⁰, Ю. Роган¹¹, Л. Фоусетт¹², А. Эхтешами и Р. Хиннебуш¹³, А.И. Яковлев¹⁴ и др.

В рамках второго тематического блока следует выделить несколько групп исследований, направленных на анализ (1) взаимодействия элементов

---

¹ Системная история международных отношений (1918–1991): в 4 томах. Т. 1: События 1918–1945 / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2000.

² Buzan B., Little R. Beyond Westphalia? Capitalism after the 'Fall' // *Review of International Studies*. 1999. Vol. 25. P. 89–104.

³ Hinnebusch R. The Sectarian Surge in the Middle East and the Dynamics of the Regional States-System // *Tidsskrift for Islamforskning*. 2019. Vol. 13, no. 1. P. 35–61.

⁴ Csicsmann L., Rózsa E.N. War and Peace in the Persian Gulf: Pre-Westphalian, Westphalian or Post-Westphalian? // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2020. Vol. 14, no. 2. P. 216–230.

⁵ Барановский В. Г., Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 3. С. 5–19.

⁶ Системная история международных отношений (1918–1991) : в 4 томах. Т. 1: События 1918–1945 / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2000.

⁷ Legrenzi M. The International Politics of the Gulf // *International Relations of the Middle East* / ed. by L. Fawcett. 5th edition. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 317–338.

⁸ Наумкин В. В., Кузнецов В. А. Ближний Восток в поисках утраченного возрождения. М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2021.

⁹ Подцероб А. Б. Арабские страны в системе международных отношений // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 1. С. 76–97.

¹⁰ Поляков Д.С. Ближневосточная подсистема международных отношений в двадцатые годы XXI века // *Восточный курьер*. 2023. № 1. С. 48–62.

¹¹ Rogan E.L. The Emergence of the Middle East into the Modern State System // *International Relations of the Middle East: 5th edition* / ed. by L. Fawcett. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 39–62.

¹² *International Relations of the Middle East: 5th edition* / ed. by L. Fawcett. Oxford: Oxford University Press, 2019.

¹³ Hinnebusch R., Ehteshami A. Foreign Policymaking in the Middle East: Complex Realism // *International Relations of the Middle East: 5th edition* / ed. by L. Fawcett. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 249–270; Ehteshami A. Making Foreign Policy in the Midst of Turbulence // *The Foreign Policies of Middle East States* / ed. by R. Hinnebusch, A. Ehteshami. London: Lynne Rienner, 2014. P. 339–350; Hinnebusch R. *International Politics of the Middle East*. Manchester, New York: Manchester University Press, 2003; Hinnebusch R. *The Middle East Regional System* // *The Foreign Policies of Middle East States* / ed. by R. Hinnebusch, A. Ehteshami. London: Lynne Rienner, 2014. P. 35–72.

¹⁴ Яковлев А. И. Перебалансировка системы международных отношений на Ближнем Востоке в XXI в. // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2020. № 2. С. 119–130.

подсистемы (внутренняя среда), а также роль в ней негосударственных акторов; (2) влияния внешней среды ближневосточной подсистемы на функционирование и развитие последней; (3) идейно-ценностного компонента подсистемы, а именно — проблемы идентичности ближневосточных акторов и (4) материального компонента в рамках моделей, предлагаемых ближневосточными акторами в качестве вариантов развития для остальных стран региона.

В группу работ, освещающих внутреннюю среду ближневосточной подсистемы, входят труды о межарабских отношениях, а также влиянии неарабских государств — Ирана, Османской империи/Турции и Израиля — на эту подсистему. В этой группе следует выделить исследования А.А. Алиева¹⁵, А. Аллуша¹⁶, В.И. Белова (Юртаева)¹⁷, М. Дресслера¹⁸, Р.У. Олсона¹⁹, С.Ф. Орешковой²⁰, П. Селисбери²¹, К. Финкеля²², Х. Чехаби²³. Следует, однако, обозначить, что в исторических исследованиях, сосредоточенных на межимперском противоборстве (в частности, борьбе Османской и Сефевидской империй), Ближний Восток не рассматривается как подсистема международных отношений, речь идет главным образом о двусторонних отношениях, что, как представляется, существенно ограничивает аналитическую глубину полученных в указанных работах результатов.

К исследованиям, анализирующим роль негосударственных акторов как элементов ближневосточной подсистемы международных отношений, следует

---

¹⁵ Алиев А.А. Иран vs Ирак: история и современность. М., 2002.

¹⁶ Allouche A. *The Origins and Development of the Ottoman-Safavid Conflict (906–962 / 1500–1555)*. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1983.

¹⁷ Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М.: Аспект Пресс, 2018; Краснов К.Г., Юртаев В.И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 616–627.

¹⁸ Dressler M. *Inventing Orthodoxy: Competing Claims for Authority and Legitimacy in the Ottoman-Safavid Conflict // Legitimizing the Order: The Ottoman Rhetoric of State Power* / ed. by H. Karateke, M. Reinkowski. Leiden: Brill, 2005. P. 151–173.

¹⁹ Olson R.W. *The Siege of Mosul and Ottoman-Persian Relations 1718–1743*. Bloomington: Indiana University, 1975.

²⁰ Орешкова С.Ф. Османская империя: очерки истории. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2018.

²¹ Salisbury P. *Yemen and the Saudi-Iranian 'Cold War'*. Chatam House Research Paper, 2015.

²² Финкель К. История Османской империи: видение Османа. М.: АСТ, 2014.

²³ Chehabi H.E., Mneimneh H.I. *Five Centuries of Lebanese-Iranian Encounters // Distant Relations: Iran and Lebanon in the Last 500 Years* / ed. by H.E. Chehabi. London: I.B. Tauris, 2006. P. 1–51.

отнести труды Н.А. Беренковой²⁴, У. ван ден Бержа²⁵, М. Йешилташа и Т. Кардаша²⁶, А.А. Кузнецова²⁷, В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова²⁸, Н. Эзроу²⁹.

Целый пласт исследований негосударственных акторов посвящен отдельным новым участникам МО на Ближнем Востоке. В частности, деятельность и идеология партии «Хизбалла» рассмотрена в работах Н.А. Беренковой³⁰, Х. Вахаба³¹, А.А. Кузнецова³², А.Р. Нортон³³ и др. Негосударственным акторам в иракском конфликте посвящены исследования Р. Алаалдина³⁴, А. Ахрама³⁵, Д. О’Дрисколла³⁶ и др.

Во вторую группу трудов, изучающих внешнюю среду, или контекст функционирования ближневосточной подсистемы МО, включены работы, посвященные роли таких внерегиональных акторов, как Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, государства Европейского союза и

---

²⁴ Беренкова Н.А. Классификации негосударственных акторов международных отношений на Ближнем Востоке // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: сборник статей / сост. и гл. ред. А.А. Корнилов, отв. ред. А. А. Сорокин. Нижний Новгород, 2019. С. 118–124.

²⁵ Van den Berge W. Armed Non-State Actors and Strategic Decision-making // Routledge Handbook of International Relations in the Middle East / ed. by Sh. Akbarzadeh. London, New York: Routledge, 2019. P. 279–299.

²⁶ Yeşiltaş M., Kardeş T. Non-State Armed Actors in the Middle East. Geopolitics, Ideology, and Strategy. Palgrave Macmillan, 2018.

²⁷ Кузнецов А.А. Шиитские движения и прокси-группы в контексте ближневосточной политики Исламской Республики Иран // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 2. С. 119–130.

²⁸ Наумкин В.В., Кузнецов В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 6. С. 104–113.

²⁹ Ezrow N. Global Politics and Violent Non-State Actors. London: SAGE, 2017.

³⁰ Беренкова Н.А. Шиитские партии Ливана: общие и специфические черты // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10, № 1. С. 44–51; Беренкова Н.А., Корнилов А.А. Идея исламского государства в политической идеологии и программе организации Хезболла // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2013. № 1. С. 28–33.

³¹ Wahab H. Hezbollah: A Regional Armed Non-State Actor. Abingdon: Routledge, 2022.

³² Кузнецов А.А. Движение «Хизбалла» в Ливане в 2006–2021 годах: исламский национализм и борьба за выживание страны. М.: Институт Ближнего Востока, 2022.

³³ Norton A.R. Hezbollah: A Short History. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2007.

³⁴ Alaaldin R. The Origins and Ascendancy of Iraq’s Shiite Militias // Current Trends in Islamist Ideology. 2017 (November). Vol. 22. P. 143–158.

³⁵ Ahram A. I. Origins and Persistence of State-Sponsored Militias: Path Dependent Processes in Third World Military Development // The Journal of Strategic Studies. 2011. Vol. 34, no. 4. P. 531–555.

³⁶ O’Driscoll D., van Zoonen D. The Hashd al-Shaabi and Iraq: Subnationalism and the State. Middle East Research Institute. March 2017.

Китайская Народная Республика, за авторством М. Легренци³⁷, Б. Корани³⁸, К.Г. Краснова и В.И. Белова (Юртаева)³⁹, М.А. Сучкова⁴⁰, Л. Фоусетт⁴¹ и др.

Идейно-ценностный аспект становления и развития Ближнего Востока затронут в работах М. Валери⁴², Г.Н. Валиахметовой⁴³, И.Д. Звягельской⁴⁴, В.А. Кузнецова⁴⁵, В.В. Наумкина⁴⁶, Ш. Тельхами⁴⁷, Э. Уостниджа⁴⁸, Ф. Хаддада⁴⁹, В.В. Цибенко⁵⁰ и др.

Материальный компонент ближневосточной подсистемы международных отношений, в частности различные аспекты моделей развития, которые предлагают государствам региона такие претенденты на роль «ядра» подсистемы, как Турция, Саудовская Аравия и Иран, рассмотрен

---

³⁷ Legrenzi M. *The International Politics of the Gulf* // *International Relations of the Middle East* / ed. by L. Fawcett. 5th edition. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 317–338.

³⁸ Korany B. *The Middle East since the Cold War: Movement without Progress* // *International Relations of the Middle East: 5th edition* / ed. by L. Fawcett. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 80–104.

³⁹ Краснов К.Г., Юртаев В.И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2016. Т. 16, № 4. С. 616–627.

⁴⁰ Сучков М.А. Как американцам «починить» Ближний Восток // *Международные процессы*. 2016. Т. 14, № 4. С. 168–171; Сучков М.А., Адрианов А.К. От «пакта Куинси» до «доктрины Трампа»: логика становления внешней политики США в Ближневосточном регионе // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2025. № 2. С. 82–98.

⁴¹ *International Relations of the Middle East: 5th edition* / ed. by L. Fawcett. 5th edition. Oxford: Oxford University Press, 2019.

⁴² Valeri M. *Identity Politics and Nation-Building under Sultan Qaboos* // *Sectarian Politics in the Persian Gulf* / ed. by L.G. Potter. Oxford: Oxford University Press, 2014.

⁴³ Валиахметова Г.Н. *Исламский фактор в мировой политике*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2013.

⁴⁴ Звягельская И. Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке // *Политические исследования*. 2019. № 1. С. 105–123; *Ближний Восток: политика и идентичность* / под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект Пресс, 2020.

⁴⁵ Кузнецов В. А. От Океана до Залива: идентичность одного региона в условиях неомодерна // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2019. Т. 11, № 2. С. 9–38.

⁴⁶ Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2015. № 1. С. 66–96.

⁴⁷ Telhami Sh., Barnett M. *Identity and Foreign Policy in the Middle East*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2002.

⁴⁸ Wastnidge E. *Shi'i Diplomacy: Religious Identity and Foreign Policy in the Axis of Resistance* // *The Geopolitics of Religious Soft Power* / ed. by P. Mandaville. Oxford: Oxford University Press, 2023.

⁴⁹ Haddad F. *Sectarian Relations and Sunni Identity in Post-Civil War Iraq* // *Sectarian Politics in the Persian Gulf* / ed. by L.G. Potter. Oxford: Oxford University Press, 2014.

⁵⁰ Цибенко В.В. Историческая память и историческая политика в Турецкой Республике. Ростов-на-Дону: Южный федеральный ун-т, 2023; Цибенко В.В. Идеологема справедливости и антиколониальный дискурс как обоснование инициативной внешней политики Турции // *Международная аналитика*. 2023. Т. 14, № 2. С. 97–115; Цибенко В.В. Столетие формирования парадигмы исторического сознания в Турецкой Республике: основные акторы и базовые сюжеты // *Ближний и Постсоветский Восток*. 2023. № 4 (4). С. 42–63.

в исследованиях М. Акана⁵¹, А. Акбара⁵², М. ар-Рашид⁵³, А. Деде⁵⁴, Ф. Донелли⁵⁵, Б. Дурана⁵⁶, О. Гёкселя⁵⁷, К. Киришчи⁵⁸, Д. Комминса⁵⁹, Н.Ю. Ульченко⁶⁰, Н.А. Филина⁶¹, А.И. Яковлева⁶² и др. При этом следует подчеркнуть, что наиболее тщательно разобраны отдельные инструменты, которые презентуют государства в рамках моделей развития («мягкая сила», культурная и религиозная дипломатия или экономические системы), в то время как комплексных исследований, затрагивающих все аспекты — от политики и типов модернизации до образовательной дипломатии, а также сравнивающих различные модели между собой, обнаружено не было. Данная работа призвана заполнить эту лауну.

Таким образом, второй тематический блок научных трудов достаточно обширен, однако такие аспекты, как фактор влияния внутренней и внешней сред БВПМО на суннито-шиитские отношения, а также модели развития для

---

⁵¹ Akan M. Capturing Secularism in Turkey. The Ease of Comparison // *The Oxford Handbook of Turkish politics* / ed. by G.M. Tezcür. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 117—138.

⁵² Akbar A. Iran's Soft Power in the Middle East via the Promotion of the Persian Language // *Contemporary Politics*. 2023. Vol. 29, iss. 4. P. 424–445.

⁵³ Al-Rasheed M. *Contesting the Saudi State: Islamic Voices from a New Generation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

⁵⁴ Dede A.Y. The Arab Uprisings: Debating the “Turkish Model” // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13, no. 2. P. 23–32.

⁵⁵ Donelli F. Persuading through Culture, Values, and Ideas: The Case of Turkey's Cultural Diplomacy // *Insight Turkey*. 2019. Vol. 21, no. 3. P. 1–22.

⁵⁶ Duran B., Yılmaz N. Islam, Models and the Middle East // *Perceptions*. 2013. Vol. XVIII, no. 4. P. 139–170.

⁵⁷ Göksel O. The Turkish Economic Model Revisited, Or: How We Have Missed Human Development // *The Political Economy of Muslim Countries* / ed. by Ö.Ü. Eriş, A.S. İkiş. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018. P. 121–150.

⁵⁸ Kirisci K. Turkey's “Demonstrative Effect” and the Transformation of the Middle East // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13, no. 2. P. 33–55. С. 90–104.

⁵⁹ Commins D. *The Wahhabi Mission and Saudi Arabia*. London. New York: I.B. Tauris, 2006.

⁶⁰ Ульченко Н.Ю. Проблемы конкурентоспособности экономики Турции в свете девальвации лиры (конец 2021 — первая половина 2022 г.) // *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран*. М.: ИВ РАН, 2022; Ульченко Н.Ю. Экономическая политика происламской Партии справедливости и развития: «неисламский» аспект // *Восточная аналитика*. 2020. № 4.

⁶¹ Филин Н.А. Легитимация власти Верховного лидера (Рахбара) Ирана согласно интерпретации основных иранских политических и религиозных деятелей // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2020. № 4–2. С. 230–238; Филин Н.А., Кокликов В.О., Медушевский Н.А. Концепция «исламского пробуждения» как внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран в XXI в. // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2019. № 2. С. 98–109; Филин Н.А. Религиозный статус Рухоллы Хомейни в современном Иране // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2021. № 3. С. 134–143; Филин Н.А. Особенности употребления термина «имам» по отношению к основателю Исламской Республики Иран аятолле Хомейни // *Власть*. 2021. Т. 29, № 1. С. 185–189; Филин Н.А. Эволюция взглядов на джихад в шиитском исламе // *Власть*. 2023. Т. 31, № 1. С. 220–226; Филин Н.А., Самойлова Е.Е. Исламистский фактор в ирано-египетских отношениях: пример «Братьев-мусульман» // *Власть*. 2024. Т. 32, № 2. С. 237–242.

* Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

⁶² Яковлев А.И. Модернизация Саудовской Аравии: итоги и перспективы в начале XXI века // *Восточная аналитика*. 2011. № 2. С. 48–58.

«мира ислама», представляются неизученными или исследованными недостаточно, а вопросы идейно-ценностного компонента ближневосточной подсистемы международных отношений освещаются в немногочисленных исследованиях, особенно в рамках российской науки.

Третий тематический блок объединяет исследования «исламского фактора» в международных отношениях. В рамках изучения влияния религии на политику «исламский фактор» затрагивается в работах У. Кавано⁶³, П. Мандавила⁶⁴, М.М. Мчедловой⁶⁵, В.В. Наумкина⁶⁶, Дж. Хейнса⁶⁷, Э. Шакман Хёрд⁶⁸ и др.

Отдельно следует выделить работы, касающиеся проблемы политизированного ислама и деятельности радикальных исламистских группировок, поскольку в данном исследовании рассматривается исламистская модель развития. В этой связи необходимо выделить труды таких ученых, как Б.В. Долгов⁶⁹, Н.А. Жерлицына⁷⁰, В.М. Морозов⁷¹, Е.А. Степанова⁷², Ю.М. Почта⁷³, О. Филипец⁷⁴, А.Э. Яшлавский⁷⁵. Однако в данных исследованиях не представлен исламистский проект как целостная программа, и этот пробел заполнен в данной работе.

---

⁶³ Cavanaugh W.T. *The Myth of Religious Violence*. Oxford: Oxford University Press, 2009.

⁶⁴ *The Geopolitics of Religious Soft Power* / ed. by P. Mandaville. Oxford: Oxford University Press, 2023.

⁶⁵ Мчедлова М.М. Политизация религии и атеизм в политике // *Политология. Новый лексикон*: 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2024. С. 466–479; Мчедлова М.М. Религия в проектах современности: между алармизмом, политической целесообразностью и утопией // *Полис. Политические исследования*. 2024. № 2. С. 50–64.

⁶⁶ Барановский В.Г., Наумкин В.В. «Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 6. С. 8–31; Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // *Россия и мусульманский мир*. 2014. № 5 (263). С. 143–171.

⁶⁷ Haynes J. *An Introduction to International Relations and Religion*. Routledge, 2013.

⁶⁸ Shakman Hurd E. *The Politics of Secularism in International Relations*. Princeton: Princeton University Press, 2008.

⁶⁹ Долгов Б.В. Долгая война в Сирии: внутренние и внешние факторы // *Постколониализм и современность*. 2023. № 4. С. 45–58; Долгов Б.В. Исламистский вызов в Большом Средиземноморье // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 4. С. 655–670.

⁷⁰ Жерлицына Н.А. Постисламизм: от исламизма к мусульманской демократии? Трансформация исламистских партий Туниса и Марокко // *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 50–58; Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Эволюция Аль-Каиды: между региональными конфликтами и глобалистской перспективой // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2022. № 1. С. 141–151.

⁷¹ Морозов В.М., Хачирова А.Б. Компаративный анализ акторности ХАМАС и Хизбаллы и перспективы их встраивания в мировой политический порядок // *Сравнительная политика*. 2018. Т. 9, № 2. С. 105–113.

⁷² Степанова Е.А. ИГИЛ и транснациональный исламистский терроризм // *Пути к миру и безопасности*. 2014. № 2. С. 13–27; Степанова Е.А. Россия и США в борьбе с терроризмом (сравнительные угрозы и подходы, Сирия, Афганистан, противодействие насильственному экстремизму) // *Пути к миру и безопасности*. 2017. № 1. С. 13–54.

⁷³ Почта Ю.М. Исламистский терроризм в контексте современных гибридных войн // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 4. С. 734–746.

⁷⁴ Filipec O. *The Islamic State: From Terrorism to Totalitarian Insurgency*. London, New York: Routledge, 2020.

⁷⁵ Яшлавский А. Э. Исламистский терроризм в Африке в 2010–2020-е годы: основные тенденции и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68, № 4. С. 66–76.

Наконец, четвертый тематический блок состоит из работ, напрямую касающихся суннито-шиитских отношений. Целесообразно разделить данный блок на (1) исследования, посвященные истории ислама и внутриисламского раскола, (2) труды, анализирующие религиозные и догматические аспекты раскола, и (3) работы, содержащие анализ политических аспектов суннито-шиитских отношений на разных исторических этапах.

В рамках первой группы следует выделить таких авторов (многие из которых являются классиками изучения истории ислама), как О. Бенжио и М. Литвак⁷⁶, В.В. Бартольд⁷⁷, О.Г. Большаков⁷⁸, И. Гольдциер⁷⁹, Г.Э. фон Грюнебаум⁸⁰, Ф. Дафтари⁸¹, И. Кольберг⁸², И. Накаш⁸³, В. Маделунг⁸⁴, И.П. Петрушевский⁸⁵, М.Б. Пиотровский⁸⁶, М. ат-Табари⁸⁷, Н. Хайдер⁸⁸, М. Ходжсон⁸⁹, А.Э. Шмидт⁹⁰ и др.

Во вторую группу входят работы М. Амира-Моэззи⁹¹, А. Корбена⁹², С.М. Прозорова⁹³, А. Триттона⁹⁴, Н. Хёрвица⁹⁵, У.М. Уотта⁹⁶ и др.

---

⁷⁶ The Sunna and Shi'a in History: Division and Ecumenism in the Muslim Middle East / ed. by O. Bengio, M. Litvak. New York: Palgrave Macmillan, 2011.

⁷⁷ Бартольд В.В. Халиф и султан // Сочинения : в 9 томах. Т. 6: Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1966.

⁷⁸ Большаков О.Г. История Халифата : в 4 томах. М.: Восточная литература, 1989–2010.

⁷⁹ Гольдциер И. Лекции об исламе. СПб.: Тип. Акц. Общ. «Брокгауз — Эфрон», 1912.

⁸⁰ Грюнебаум Г.Э. фон. Классический ислам: очерк истории (600–1258). М.: Наука, 1988.

⁸¹ The Study of Shi'i Islam: History, Theology and Law / ed. by F. Daftary, G. Miskinzoda. London, New York: I.B. Tauris, 2014.

⁸² Kohlberg E. The Term “Rafida” in Imami Shi'i Usage // Journal of the American Oriental Society. 1979. Vol. 99, no. 4. P. 677–679.

⁸³ Nakash Y. The Shi'is of Iraq. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994.

⁸⁴ Madelung W. The Succession to Muhammad. A Study of the Early Caliphate. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

⁸⁵ Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1966.

⁸⁶ Пиотровский М.Б. Исторические судьбы мусульманского представления о власти // Социально-политические представления в исламе: история и современность / отв. ред. И.М. Смилянская. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.

⁸⁷ Ат-Табари М. История ат-Табари. Ташкент: Фан, 1987.

⁸⁸ Haider N. Shi'i Islam: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

⁸⁹ Ходжсон М. История ислама: исламская цивилизация от рождения до наших дней. М.: Эксмо, 2013.

⁹⁰ Шмидт А.Э. Из истории суннитско-шиитских отношений // В.В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели: сборник. Ташкент, 1927. С. 69–110.

⁹¹ Amir-Moezzi M.A. Shi'ite Doctrine // Encyclopaedia Iranica. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/shiite-doctrine> (accessed: 30.08.2021); Amir-Moezzi M.A. The Divine Guide in Early Shiism : The Sources of Esotericism in Islam. New York: State University of New York Press, 1994.

⁹² Corbin H. Histoire de la philosophie islamique. Paris: Gallimard, 1986; Corbin H. En Islam iranien. Aspects spirituels et philosophiques. Tome IV. Paris: Gallimard, 1991.

⁹³ Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система: в 2 томах. М.: Вост. лит., 2004.

⁹⁴ Tritton A.S. Muslim Theology. Bristol: The Royal Asiatic Society, 1947.

⁹⁵ Hurvitz N. Early Hanbalism and the Shi'a // The Sunna and Shi'a in History: Division and Ecumenism in the Muslim Middle East / ed. by O. Bengio and M. Litvak. NY: Palgrave Macmillan, 2011.

⁹⁶ Watt W.M. The Rafidites: A Preliminary Study // Oriens. 1963. Vol. 16. P. 110–121.

В свою очередь, политическим аспектам суннито-шиитских отношений и «шиитскому фактору» в мировой политике в своих исследованиях уделяли внимание А. Бишара⁹⁷, М. Калантари⁹⁸, Г.Л. Крылов⁹⁹, Л. Лоэр¹⁰⁰, В. Наср¹⁰¹, А.Л. Салиев¹⁰², Г. Фуллер¹⁰³, Ф. Хаддад¹⁰⁴, Ф. Хури¹⁰⁵ и ряд других ученых. Однако важно отметить, что в работах западных исследователей на первый план в анализе политических аспектов суннито-шиитских отношений выдвигается саудовско-иранское межгосударственное соперничество, соответственно, интересы всех шиитов отождествляются с интересами Ирана, а суннитов — с интересами Саудовской Аравии, что не соответствует действительности. Более того, оценки западных авторов нередко носят антииранский характер.

В свою очередь российские авторы часто копируют подходы зарубежных коллег, а не критически препарировать их, что приводит к искажению дискурса. Кроме того, все конфликты, в которых присутствует суннито-шиитский аспект, зачастую обобщаются, что не позволяет выявить специфические черты каждого из них, установить, в каких именно случаях суннито-шиитский антагонизм существовал изначально, а в какие — привнесен искусственно, а также определить, кто из вовлеченных акторов и с какими целями использует риторику внутриисламского раскола.

Как представляется, в отдельную категорию трудов следует объединить материалы аналитических центров, главным образом — региональных: турецких (SETA¹⁰⁶, «Форум аш-Шарк»¹⁰⁷), эмиратских (Emirates Policy

---

⁹⁷ Bishara A. *Sectarianism Without Sects*. London: C. Hurst & Co., 2021.

⁹⁸ Kalantari M.R. *The Clergy and the Modern Middle East. Shi'i Political Activism in Iran, Iraq and Lebanon*. I.B. Tauris, 2022.

⁹⁹ Крылов Г.Л. Доктрина «вилаят аль-факих»: трактовки, теоретические основания и история становления // *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 2. С. 11–24.

¹⁰⁰ Louër L. *Shiism and Politics in the Middle East*. London: Hurst & Co., 2008; Louër L. *The State and Sectarian Identities in the Persian Gulf Monarchies: Bahrain, Saudi Arabia, and Kuwait in Comparative Perspective* // *Sectarian Politics in the Persian Gulf* / ed. by L.G. Potter. Oxford: Oxford University Press, 2014; Louër L. *Sunnis and Shi'a. A Political History of Discord*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2020.

¹⁰¹ Nasr V. *The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future*. New York, London: W.W. Norton & Company, 2007.

¹⁰² Салиев А.Л. Религиозно-политический аспект безопасности Ближнего и Среднего Востока: саудовско-иранские отношения и перспективы внутриисламского диалога: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Салиев Акылбек Ленбаевич. Бишкек, 2006.

¹⁰³ Fuller G., Francke R.R. *The Arab Shi'a. The Forgotten Muslims*. NY: St. Martin's Press, 1999.

¹⁰⁴ Haddad F. *Anti-Sunnism and anti-Shiism: Minorities, Majorities and the Question of Equivalence* // *Mediterranean Politics*. 2021. Vol. 26, no. 4. P. 498—504; Haddad F. *Sectarian Relations and Sunni Identity in Post-Civil War Iraq* // *Sectarian Politics in the Persian Gulf* / ed. by L.G. Potter. Oxford: Oxford University Press, 2014.

¹⁰⁵ Khuri F.I. *Imams and Emirs: State, Religion and Sects in Islam*; Khuri F.I. *The Ulama: A Comparative Study of Sunni and Shi'a Religious Officials* // *Middle Eastern Studies*. 1987. Vol. 23, no. 3. P. 291–312.

¹⁰⁶ SETA. URL: <https://www.setav.org/> (accessed: 02.08.2025).

¹⁰⁷ Al-Sharq Forum. URL: <https://www.sharqforum.org/> (accessed: 20.06.2025).

Center)¹⁰⁸ и иранских (Институт политических и международных исследований)¹⁰⁹ и др.

Таким образом, несмотря на значительный объем исследований, касающихся суннито-шиитских отношений, установлено, что далеко не все из них посвящены именно международно-политическому аспекту, а также представляют объективные оценки деятельности всех акторов, вовлеченных в конфликты на почве суннито-шиитского антагонизма. Данное исследование направлено на то, чтобы устранить указанные пробелы, а также представить комплексное изучение суннито-шиитских отношений как элемента ближневосточной подсистемы МО с учетом не только материального, но и идейно-ценностного компонента этих отношений.

Объект исследования — ближневосточная подсистема международных отношений.

Предмет исследования — суннито-шиитские отношения как форма проявления «исламского фактора» в рамках ближневосточной подсистемы международных отношений в 1979–2024 гг.

Цель исследования состоит в выявлении роли и особенностей суннито-шиитских отношений как элемента ближневосточной подсистемы международных отношений в исследуемый период.

Задачи исследования:

- 1) обосновать авторскую периодизацию формирования БВПМО, выявить ее особенности и тенденции развития;
- 2) сформулировать и обосновать теоретические положения исследования влияния исламского фактора на ближневосточную подсистему международных отношений;
- 3) описать авторскую методику балльного расчета «индекса исламского фактора» и апробировать ее на материале Ближнего Востока;
- 4) выявить исторические и политические предпосылки, приведшие к внутриисламскому расколу и последующему суннито-шиитскому противостоянию в международно-политической сфере;
- 5) исследовать влияние межимперской конкуренции на Ближнем Востоке на суннито-шиитские отношения;
- 6) выявить и проанализировать этапы формирования суннитской и шиитской идентичности в имперский период;

---

¹⁰⁸ Emirates Policy Center. URL: <https://epc.ae/> (accessed: 20.06.2025).

¹⁰⁹ Institute for Political and International Studies. URL: <https://ipis.ir/en> (accessed: 20.06.2025).

- 7) осветить особенности теоретических подходов к международным отношениям, сформировавшихся в суннитской и шиитской частях «мира ислама»;
- 8) проанализировать использование отдельных аспектов суннито-шиитских противоречий государствами в рамках ведения «дискурсивных войн»;
- 9) охарактеризовать роль суннито-шиитского антагонизма в ближневосточных конфликтах в Ираке, Йемене и Сирии и обозначить акторов, использующих суннито-шиитские противоречия для реализации собственных политических целей в регионе;
- 10) выявить специфику суннито-шиитских противоречий в Ливане и аравийских монархиях Персидского залива и оценить конфликтный потенциал этих противоречий;
- 11) изучить и систематизировать исторический опыт и современные проекты по сближению суннитов и шиитов, обращая особое внимание на миротворческий потенциал религий;
- 12) сопоставить существующие суннитские и шиитские модели развития для «мира ислама» на примере саудовской, турецкой, иранской и исламистской моделей и оценить их преимущества и ограничения.

Хронологические рамки исследования. Нижняя граница исследования — 1979 г., что обусловлено такими событиями, как победа Исламской революции в Иране и провозглашение Исламской Республики, а также ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан и последующее объявление «джихада» против Советского Союза со стороны различных исламистских движений, поддерживаемых США и их союзниками в регионе Ближнего Востока. Именно эти события принято связывать с беспрецедентным ростом влияния «исламского фактора» на мировую политику в современной истории.

Верхняя граница исследования — декабрь 2024 г., что объясняется свержением режима Башара Асада в Сирии, государстве, которое с начала 1980-х гг. выступало в качестве фактически единственного союзника Исламской Республики Иран в Ближневосточном регионе и играло роль ключевого звена в создаваемой Ираном «оси сопротивления». Приход к власти в Сирии группировки «Хайат тахрир аш-Шам»¹¹⁰, как представляется,

---

¹¹⁰ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

серьезно повлияет как на ближневосточную подсистему международных отношений, так и на взаимодействие суннитов и шиитов.

С целью выявления глубинных причин раскола между суннитами и шиитами и этапов формирования и развития ближневосточной подсистемы международных отношений автор допускал выход за установленные хронологические рамки.

Источниковая база исследования. Диссертационная работа опирается на широкий круг источников на русском, арабском, английском и французском языках.

Первая группа — *нормативно-законодательные источники*, среди которых Основной Низам (Положение) Королевства Саудовская Аравия (1992 г.)¹¹¹, Конституция Исламской Республики Иран (принята в 1979 г., изменения внесены в 1989 г.)¹¹², Конституция Ливанской Республики (1926 г., с дополнениями 2004 г.)¹¹³, Конституции Сирийской Арабской Республики (1973 г. (с поправками 1980, 1991 и 2000 гг.)¹¹⁴ и 2012 г.)¹¹⁵, Конституция Йемена (1991 г., с поправками 2015 г.)¹¹⁶, Конституция Королевства Бахрейн (2002 г., с поправками 2012, 2017 и 2018 гг.)¹¹⁷, Конституция Республики Ирак (2005 г.)¹¹⁸, Конституция Государства Кувейт (1962 г.)¹¹⁹, Конституция Государства Катар (2004 г.)¹²⁰, Основной закон Султаната Оман (2021 г.)¹²¹ и Конституция Объединенных Арабских Эмиратов (1971 г. в редакции

---

¹¹¹ Основной Низам (Положение) Королевства Саудовская Аравия. Принят в 1992 г. URL: https://saudianews.ru/?page_id=2589 (дата обращения: 07.06.2024).

¹¹² Конституция Исламской Республики Иран с изменениями от 28 июля 1989 г. // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7697> (дата обращения: 27.11.2023).

¹¹³ Lebanon's Constitution of 1926 with Amendments through 2004 // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14617> (accessed: 12.02.2024).

¹¹⁴ Дустур аль-джумхурийяти аль-арабийяти ас-сурийя (1973) [Конституция Сирийской Арабской Республики 1973 г.] // WIPO. (На араб. яз.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/10848> (дата обращения: 12.02.2024).

¹¹⁵ Дустур аль-джумхурийяти аль-арабийяти ас-сурийя (марсум 94, 'ам 2012) [Конституция Сирийской Арабской Республики, указ № 94, 2012 г.] // WIPO. (На араб. яз.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16572> (дата обращения: 12.02.2024).

¹¹⁶ Дустур аль-йаман ас-садир 'ама 1991 шамилян та'диялятихи ли гаяти 'ами 2015 [Конституция Йемена в редакции 1991 г. с поправками, внесенными в 2015 г.] // WIPO. (На араб. яз.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19992> (дата обращения: 12.02.2024).

¹¹⁷ Дустур мамлякати аль-бахрейн [Конституция Королевства Бахрейн] // WIPO. (На араб. яз.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19652> (дата обращения: 12.02.2024).

¹¹⁸ Дустур аль-джумхурийят ирак [Конституция Республики Ирак] // WIPO. (На араб. яз.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/10027> (дата обращения: 10.02.2024).

¹¹⁹ Дустур даулят аль-кувейт [Конституция Государства Кувейт] // WIPO. (На араб. яз.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/6148> (дата обращения: 01.03.2024).

¹²⁰ Дустур даулят катар [Конституция Государства Катар] // WIPO. (На араб. яз.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9626> (дата обращения: 20.02.2024).

¹²¹ Марсум султаный ракм 2/2021 би исдар ан-низам аль-асасий ли ад-дауля [Указ султана № 2/2021 об издании Основного закона государства] // WIPO. (На араб. яз.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22022> (дата обращения: 07.07.2024).

2011 г.)¹²². Также в данную группу следует включить англо-иракское соглашение о союзе, подписанное 10 октября 1922 г.¹²³

К нормативно-законодательным источникам также относятся внутривластные документы, такие как указы и распоряжения Коалиционной временной администрации Ирака¹²⁴, саудовская правительственная программа по преодолению зависимости от иностранной рабочей силы «Нитакат»¹²⁵, рассмотренная в рамках анализа особенностей саудовской модели развития.

Также в первую группу следует включить соглашения, среди которых, например, «Хартия национального примирения», или Таифское соглашение 1989 г., положившее конец гражданской войне в Ливане¹²⁶, а также документы, подписанные между различными неправительственными организациями и фондами в рамках межрелигиозного диалога¹²⁷.

Вторая группа объединяет *делопроизводственные источники*, главным образом документы международных организаций: мандаты Лиги Наций на управление Сирией и Ливаном¹²⁸, Палестиной¹²⁹ и Месопотамией (Ираком)¹³⁰, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН¹³¹ и конвенции ООН (в частности,

---

¹²² United Arab Emirates Constitution, 2011 // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17028> (accessed: 20.05.2024).

¹²³ Treaty of Alliance between Great Britain and Irak, Signed at Baghdad, October 10, 1922 // Internet Archive Wayback Machine. URL: <https://web.archive.org/web/20160303220020/http://www.galeuk.com/iraq/pdfs/Treaty%20of%20alliance%20btw%20GB%20%26%20Iraq%2010%20Oct%201922%20CO%20730%20167%201.pdf> (accessed: 12.03.2025).

¹²⁴ Coalition Provisional Authority Order Number 1 “De-Ba’athification of Iraqi Society” // Iraq Coalition. May 16, 2003. URL: https://web.archive.org/web/20040621014307/http://www.iraqcoalition.org/regulations/20030516_CPAORD_1_De-Ba_athification_of_Iraqi_Society_.pdf (accessed: 03.12.2024).

¹²⁵ Nitaqat Mutawar Program. Version 2.0 // The Ministry of Human Resources and Social Development of Saudi Arabia. URL: <https://www.hrsd.gov.sa/sites/default/files/2023-06/E20210523.pdf> (accessed: 31.07.2025).

¹²⁶ Васикату аль-вифак аль-ватаний – Аль-Иттифак ат-Таиф [Хартия национального примирения – Таифское соглашение]. 30 сентября 1989 г. // Сайт Президента Ливанской Республики. (На араб. яз.). URL: <https://www.presidency.gov.lb/Arabic/LebaneseSystem/Documents/TaiifAgreementn.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).

¹²⁷ Agreement between the Muslim World League and Appeal of Conscience Foundation. April 29, 2019. URL: <https://appealofconscience.org/agreement-between-the-muslim-world-league-and-appeal-of-conscience-foundation/> (accessed: 12.10.2022).

¹²⁸ French Mandate for Syria and the Lebanon // The American Journal of International Law. 1923. Vol. 17, no. 3. Supplement: Official Documents (Jul., 1923). P. 177–182.

¹²⁹ Mandate for Palestine – League of Nations (12 August 1922) // Economic Cooperation Foundation. URL: https://ecf.org.il/media_items/291 (accessed: 16.02.2025).

¹³⁰ Draft Mandates for Mesopotamia and Palestine as Submitted for the Approval of the League of Nations. London: His Majesty’s Stationery Office, 1921.

¹³¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/55/254 от 11 июня 2001 г. «Охрана мест отправления религиозных обрядов» // Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/574/41/PDF/N0057441.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.07.2021); Резолюция A/RES/73/285, принятая Генеральной Ассамблеей 2 апреля 2019 года // Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/096/42/PDF/N1909642.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.07.2021).

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1951 г.¹³²), документы Организации исламского сотрудничества (ОИС), например Каирская декларация о правах человека в исламе (1990 г.)¹³³.

Третью группу составляют *публицистические источники*: заявления¹³⁴, выступления на пресс-конференциях, интервью глав государств, политических и религиозных деятелей, информация и справки для СМИ, размещенные на официальных сайтах МИД и других ведомств государств Ближнего Востока¹³⁵, а также хартии и открытые письма различных политических партий и движений, например Открытое письмо ливанской шиитской партии «Хизбалла»¹³⁶, содержащее ее политическую программу, а также видение международных отношений.

В рамках третьей группы источников особое внимание следует уделить Священному Корану¹³⁷, в котором содержатся основные положения и догматы исламского вероучения, в том числе касающиеся вопросов политики и управления государством, проблем войны и мира и т. д.

К публицистическим источникам также относится проповедь дочери пророка Мухаммада Фатимы¹³⁸, сыгравшая заметную роль в обособлении последователей Али ибн Аби Талиба, будущих шиитов, от сторонников халифа Абу Бакра и его дочери Айши, супруги Пророка (будущих суннитов).

В рамках группы публицистических источников в отдельную подгруппу следует объединить труды авторитетных шиитских ученых-правоведов, которые разрабатывали принципы государственного устройства и ведения международных отношений: Рухоллы Мусави Хомейни¹³⁹, Мухаммада Бакира

---

¹³² Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (1951) // The United Nations. URL: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocity-crimes/Doc.1_Convention%20on%20the%20Prevention%20and%20Punishment%20of%20the%20Crime%20of%20Genocide.pdf (accessed: 01.07.2025).

¹³³ Cairo Declaration on Human Rights in Islam, Aug. 5, 1990, U.N. GAOR, World Conference on Human Rights, 4th Session, Agenda Item 5, U.N. Doc. A/CONF.157/PC/62/Add.18 (1993) [English translation] // Human Rights Library. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/instree/cairodeclaration.html> (accessed: 17.07.2023).

¹³⁴ Заявления для СМИ по итогам переговоров в «астанинском формате» // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69035> (дата обращения: 03.08.2022); Remarks by the President on the Middle East and North Africa // The White House. President Barack Obama. May 19, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/05/19/remarks-president-middle-east-and-north-africa%20> (accessed: 16.05.2021).

¹³⁵ Национальная внешняя политика в «Век Турции» // Турецкая Республика. Министерство иностранных дел. URL: <https://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy-ru.ru.mfa> (дата обращения: 12.12.2024).

¹³⁶ An Open Letter: The Hizballah Program. 1985 // International Institute for Counter-Terrorism. URL: <https://www.ict.org.il/UserFiles/The%20Hizballah%20Program%20-%20An%20Open%20Letter.pdf> (accessed: 05.01.2023).

¹³⁷ Коран / пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

¹³⁸ Fatima bint Muhammad. The Sermon of Lady Fatima. Houston: Shia Hub Publications, 2012.

¹³⁹ Хомейни Р.М. Исламское правление. Алматы: Атамур, 1993.

ас-Садра¹⁴⁰. Значительную часть данной подгруппы также составили фетвы и заявления авторитетных шиитских лидеров, таких как А. ас-Систани (Ирак)¹⁴¹, Б. ан-Наджафи (Ирак)¹⁴², обращения шиитских авторитетов к правительствам государств проживания, например, Неджефская хартия 1935 г.¹⁴³ и меморандум Шейха Мухаммада аш-Шабиби в адрес премьер-министра Ирака Абд ар-Рахмана аль-Баззаза (1965 г.)¹⁴⁴. Также следует отметить речи, заявления и фетвы рахбаров Ирана Р.М. Хомейни (1979–1989) и А. Хаменеи (1989–2026)¹⁴⁵.

К публицистическим источникам относится «Открытое письмо к аль-Багдади»¹⁴⁶, содержащее опровержение мусульманскими учеными практики и идеологии «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ)¹⁴⁷.

В группе публицистических источников также следует отдельно объединить материалы, предоставляемые медиаресурсами различных милиций и ополчений и документирующие участие различных негосударственных акторов в исследуемых конфликтах на Ближнем Востоке¹⁴⁸.

В четвертую группу объединены *статистические источники*: доклады Госдепартамента США «Религиозная свобода в мире», содержащие достаточно точные сведения о численности различных конфессиональных

---

¹⁴⁰ Al-Sadr M.B. Principles of Islamic Jurisprudence. London: ICAS, 2003.

¹⁴¹ Ас-сейид ас-Систани юфты биль-джихад аль-кифайи [Сейид ас-Систани объявил коллективный джихад] // YouTube. 13.06.2013. (На араб. яз.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=R7by5almGhA> (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁴² Калимат мактаб самахат аят Аллах аль-узма аль-марджа ад-диний аль-кабир аш-шейх башир Хусейн ан-Наджафи (даам зиллиху) ли-мунасабати хулюли ами аля фатва аль-джихад аль-мукаддас дифаан ан аль-Ирак [Заявление канцелярии Его Высокопреосвященства Великого аятоллы шейха Башира Хусейна ан-Наджафи (да пребудет с ним его тень) по случаю первой годовщины фетвы о священном джихаде в защиту Ирака] // Официальный сайт аятоллы Б. Ан-Наджафи. 01.06.2015. (На араб. яз.). URL: <https://www.alnajafy.com/list/mainnews-1-444-2713.html> (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁴³ The Najaf Charter of 1935 // The Hissing Sectarian Snake: Sectarianism and the Making of State and Nation in Modern Iraq / Kh. Osman [thesis]. University of Exeter, 2012. P. 365–367.

¹⁴⁴ Shaykh Muhammad Ridha al-Shabibi's Memorandum of 1965 // The Hissing Sectarian Snake: Sectarianism and the Making of State and Nation in Modern Iraq / Kh. Osman [thesis]. University of Exeter, 2012. P. 368–373.

¹⁴⁵ Защитники храмов святых — спасители Ирана и региона // Официальный сайт Рахбара Исламской Республики Иран Сейида Али Хаменеи. 29.06.2024. URL: <https://russian.khamenei.ir/news/5809> (дата обращения: 07.02.2025).

¹⁴⁶ Open Letter to Dr. Ibrahim Awwad Al-Badri, alias 'Abu Bakr Al-Baghdadi', And to the Fighters and Followers of the Self-Declared 'Islamic State.' URL: https://rissc.io/wp-content/uploads/2019/04/Letter_to_Baghdadi-EN.pdf (accessed: 15.02.2025).

¹⁴⁷ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

¹⁴⁸ Маджлис 'аза хусайни фи Хамрин ли Лива аш-шабак — Кувват сахль Найнава. Аль-а'лям аль-харбий Кувват сахль Найнава [Траурное собрание «Лива аш-шабак» в Хамрине в память о Хусейне. Военные медиа «Сил равнин Ниневии»] // YouTube. 26.10.2015. (На араб. яз.). URL: https://www.youtube.com/watch?v=NveE_BFg9B4%26t=98s (дата обращения: 04.02.2025).

групп в отдельных странах изучаемого региона¹⁴⁹, отчеты различных фондов, осуществляющих мероприятия в рамках «религиозной дипломатии»¹⁵⁰, данные рейтингов и индексов¹⁵¹, количественные данные о военных расходах государств, размещенные в базе данных Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI)¹⁵², статистика террористических атак, содержащаяся в «Глобальной базе данных по терроризму» (Global Terrorism Database)¹⁵³ и др.

Таким образом, предмет исследования достаточно хорошо обеспечен различными историческими источниками, позволяющими изучить международно-политические аспекты суннитско-шиитских взаимоотношений и сделать обоснованные выводы.

Методология исследования. В теоретическом и методологическом планах исследование опирается на ряд принципов и подходов, характерных для исторической науки, а также таких дисциплин, как политология, религиоведение и экономика. Это обуславливает междисциплинарный характер исследования, поскольку в центре его внимания находится сложная социальная система — система международных отношений, одним из значимых элементов которой является ближневосточная подсистема.

Исходя из этого первый теоретико-методологический подход, который следует обозначить, — это системный подход к анализу международных отношений, разработанный российскими учеными-международниками Московского государственного института международных отношений (МГИМО МИД России) под руководством профессора А.Д. Богатурова. Системный подход предполагает анализ международных отношений на Ближнем Востоке как подсистемы, элементами которой выступают государства и негосударственные акторы, при этом свойства системы не тождественны совокупности свойств элементов системы¹⁵⁴.

Второй теоретико-методологический подход, лежащий в основе данного исследования, — это синтез подходов, предложенных британским востоковедом, экспертом по Ближнему Востоку Р. Хиннебушем, и

---

¹⁴⁹ Bahrain 2021 International Religious Freedom Report // U.S. Department of State. P. 8. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/04/BAHRAIN-2021-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed: 17.07.2022); Iraq 2022 International Religious Freedom Report // U.S. Department of State. P. 3. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/05/441219-IRAQ-2022-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed: 20.11.2023).

¹⁵⁰ 2018 Annual Report // Saudi Fund for Development official website. URL: <https://www.sfd.gov.sa/sites/default/files/annual-report-pdfs/2018-EN-AnnualReport.pdf> (accessed: 04.09.2019).

¹⁵¹ Global Firepower Index. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed: 10.02.2023);

¹⁵² SIPRI Military Expenditure Database. Data for all countries 1949–2020 (excel spreadsheet) // SIPRI. URL: https://sipri.org/sites/default/files/SIPRI-Milex-data-1949-2020_0.xlsx (accessed: 19.01.2022).

¹⁵³ Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (accessed: 20.07.2024).

¹⁵⁴ Системная история международных отношений (1918–1991) : в 4 томах. Т. 1: События 1918–1945 / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2000. С. 16.

специалистами Копенгагенской школы исследований безопасности Б. Бузаном и Р. Литтлом. Этот подход представляет собой сочетание реализма и конструктивизма¹⁵⁵, что позволяет одновременно рассмотреть как материальные аспекты межгосударственного взаимодействия в рамках ближневосточной подсистемы международных отношений (реализм), так и идейно-ценностный компонент этого взаимодействия путем анализа фактора идентичности (в нашем случае — идентичности суннитов и шиитов) в процессе развития ближневосточной подсистемы (конструктивизм).

Также следует подчеркнуть, что предложенный синтез реализма и конструктивизма предоставляет возможность анализировать в качестве элементов подсистемы не только собственно государства (реализм), но и негосударственных акторов, которые играют значимую роль в ближневосточной подсистеме, участвуя в формировании норм, идентичностей и социальных структур в региональной политике, уделяя особое внимание распространению негосударственными акторами различных идей и ценностей (конструктивизм).

Таким образом, основываясь на сочетании подходов Р. Хиннебуша и Бузана — Литтла, в данном исследовании суннито-шиитские отношения рассмотрены в рамках ближневосточной подсистемы международных отношений и как элемент межгосударственной конкуренции (реализм), и как соперничество между конкурирующими идентичностями, отстаивающими свою «ортодоксальность» и правоту внутри «мира ислама» (конструктивизм).

В данном исследовании мы исходим из теоретико-методологического принципа, который состоит в отказе от строгого разграничения внутренней и международной политических сфер. Это позволило учитывать при анализе наличие тесной, органической взаимосвязи между международным и внутренним измерениями социально-политических процессов и взаимодействий в Ближневосточном регионе, а также выявить переплетение материальных и идейно-ценностных компонентов суннито-шиитских отношений как на уровне внутренней политики, так и на уровне взаимодействий субъектов в рамках ближневосточной подсистемы международных отношений.

При разработке периодизации развития ближневосточной подсистемы международных отношений автор опирался на проблемно-хронологический подход, позволивший реконструировать исторический процесс и выделить исторические этапы оформления особенностей этой подсистемы в рамках ее

---

¹⁵⁵ Hinnebusch R. The Sectarian Surge in the Middle East and the Dynamics of the Regional States-System // Tidsskrift for Islamforskning. 2019. Vol. 13, no. 1. P. 35–61.

функционирования как части глобальной системы международных отношений.

Таким образом, синтез вышеперечисленных принципов и подходов, представляющий собой теоретико-методологическую основу данного исследования, дал возможность преодолеть научную проблему, обусловленную существующим противоречием между многообразием интересов суннитов и шиитов как транснациональных сообществ и распространенной исследовательской и политической практикой сведения этих интересов к национальным интересам Саудовской Аравии и Ирана. Такое редуцирование приводит к некорректным или упрощенным выводам о характере суннито-шиитских отношений как в отдельных странах, так и на уровне ближневосточной региональной подсистемы международных отношений в целом, не позволяет учитывать всю полноту как материальных, так и идейно-ценностных аспектов этих отношений и искажает оценку степени влияния суннито-шиитского антагонизма на динамику отдельных региональных конфликтов. Разработанная в данном исследовании концептуальная рамка позволяет одновременно учитывать, во-первых, страновые особенности государств, в развитии которых суннито-шиитские отношения играют значимую роль, во-вторых, влияние внешней среды ближневосточной подсистемы международных отношений на эти отношения и, в-третьих, определять место суннито-шиитского антагонизма в общей структуре «исламского фактора» как одного из ключевых аспектов развития БВПМО.

Методы исследования. Решение исследовательских задач, поставленных в данной работе, потребовало использования комплекса частнонаучных методов, характерных для исторической науки и смежных дисциплин, что также подтверждает междисциплинарный характер исследования.

Историко-генетический метод был использован с целью выявления особенностей и тенденций развития ближневосточной подсистемы международных отношений, а также разработки авторской периодизации формирования и развития этой подсистемы. Кроме того, данный метод был применен в ходе определения набора исторических и политических предпосылок внутриисламского раскола.

При работе с историческими источниками автор следовал герменевтическому методу, который дал возможность оценивать документы исходя из особенностей исторических эпох, когда они были созданы.

Разработанная автором методика балльной оценки исламского фактора представляет собой совокупность количественных методов исследования, характерных для политических и экономических наук.

Методика подразумевает применение метода позиционирования (построение точечной диаграммы, выявляющей взаимосвязь количества терактов с численностью жертв по годам) и метода анализа связей между переменными, метод группировки и систематизации, а также метод ранжирования для присвоения балльного коэффициента отдельным годам исходя из событий, выделенных в качестве маркеров проявления «исламского фактора».

Философско-логический метод позволил исследовать образы и ценности, характерные для суннитского или шиитского ислама и повлиявшие на процесс формирования идентичности данных сообществ, а также использование ими данных образов и нарративов для манифестации собственной идентичности в ситуациях обострения суннито-шиитского антагонизма.

Метод сравнительно-сопоставительного анализа позволил выявить специфику моделей развития для «мира ислама», которые предлагают Саудовская Аравия, Турция, Иран и исламистские радикальные группировки, на основе определенных критериев сравнения. Также данный метод помог выявить типы проявлений суннито-шиитского антагонизма в отдельных конфликтах.

Структурно-функциональный метод, направленный на раскрытие структуры и функционирования религий, религиозных организаций, культов, был использован для анализа института улемов в суннитском и шиитском исламе, а также института марджа'ийя в шиизме.

Метод кейс-стади применялся для глубокого изучения конфликтов в Ираке, Сирии и Йемене, а также положения шиитских общин в Ливане и аравийских монархиях с целью выявления закономерностей, тенденций, а также страновых особенностей суннито-шиитских отношений.

Научная новизна исследования обусловлена, во-первых, самой постановкой темы международно-политического аспекта суннито-шиитских отношений, которая в российской науке о международных отношениях и исторических исследованиях до сих пор не была комплексно освещена. В отличие от более ранних исследований, сфокусированных на процессе формирования догматических отличий между суннизмом и шиизмом либо сводящих суннито-шиитские отношения к одному из аспектов противостояния между Саудовской Аравией и Ираном, в данном исследовании предложен оригинальный подход к изучению этих отношений. Этот подход предполагает рассматривать эти отношения одновременно как аспект межгосударственного противостояния и борьбы за региональное лидерство (в частности, Саудовской Аравии и Ирана), так и как значимый элемент идейно-ценностного противостояния, в рамках которого формируются современные идентичности обществ Ближнего Востока. Это

позволяет сделать теоретически обоснованные выводы о нетождественности интересов всех шиитов интересам Исламской Республики Иран и интересов всех суннитов — интересам Саудовской Аравии.

Во-вторых, разработаны теоретические и методологические основы для оценки степени влияния суннито-шиитского антагонизма на ближневосточную подсистему международных отношений. С этой целью в работе предложена и обоснована авторская периодизация развития ближневосточной подсистемы международных отношений и оценено влияние внутренней и внешней среды ближневосточной подсистемы международных отношений на суннито-шиитский антагонизм в таких странах, как Ирак, Сирия, Йемен, Ливан и аравийские монархии.

В-третьих, сами суннито-шиитские отношения рассматриваются в двух измерениях: материальном (как борьба за ресурсы, в которую вовлечены государства как традиционные акторы международных отношений) и идейно-ценностном (процесс формирования идентичности отдельных государственных и негосударственных акторов международных отношений, а также борьба за «истину» и статус «ортодоксии» в рамках «мира ислама»). Подобный подход позволяет определить место суннито-шиитского антагонизма в комплексе причин внутrigосударственных конфликтов и межгосударственной конкуренции и сделать вывод о том, недостаток какого ресурса компенсирует тот или иной актор, обращаясь к риторике суннито-шиитских противоречий.

В-четвертых, разработана авторская методика балльной оценки исламского фактора, на основе которой вводится в научный оборот и рассчитывается индекс «исламского фактора» (ИИФ). Методика, сочетающая ряд количественных методов исследования и включающая в себя отдельный индекс активности исламистских террористических группировок, позволяет выявить годы, когда исламский фактор в наибольшей или наименьшей степени влиял на ближневосточную подсистему МО, что решает задачу установления закономерностей и тенденций развития этой подсистемы и международных отношений в целом.

В-пятых, определена роль суннито-шиитского антагонизма в ближневосточных конфликтах — иракском, сирийском и йеменском. Проведен сравнительный анализ использования суннито-шиитских противоречий элементами БВПМО (внутренняя среда подсистемы, национальный и региональный уровни) и внерегиональными субъектами (внешняя среда подсистемы), а также установлено, на каких уровнях используется нарратив суннито-шиитского противостояния в каждом отдельном конфликте.

В-шестых, выявлена взаимосвязь между нехваткой материальных ресурсов у государства или негосударственного актора международных отношений и его обращением к мобилизационному потенциалу идейно-ценностных компонентов идентичности сообщества, интересы которого отстаивает данный субъект. Доказано, что, в отличие от широко распространенной точки зрения о планах Исламской Республики Иран реализовать проект «шиитского полумесяца» или «оси сопротивления», объединив под знаменем общей шиитской идентичности Ливан, Сирию, Ирак и Йемен, Иран использует обращение к исламу в целом, а не собственно к шиизму, чтобы компенсировать нехватку собственных материальных ресурсов (финансовых, демографических, политико-дипломатических и проч.).

В-седьмых, на примере государств с шиитским большинством или значительным шиитским меньшинством проанализировано взаимовлияние внутренней и внешней политики на отношения между суннитами и шиитами. Это позволило выявить противоречия внутри суннитских и шиитских общин этих стран и — шире — групп государств, которые по признаку идентичности могут быть условно объединены в «суннитский» и «шиитский» блоки.

В-восьмых, предложен авторский подход к определению степени влияния суннито-шиитских противоречий на индекс исламского фактора, рассчитанный по авторской методике, которая апробирована в данном исследовании. Это позволяет с высокой степенью достоверности установить, когда и в рамках каких государств и конфликтов суннито-шиитский антагонизм является определяющим или одним из определяющих факторов конфликтности (то есть имеет органическое происхождение), а когда — носит привнесенный характер (используется внерегиональными акторами или преувеличивается непосредственно ближневосточными акторами), то есть имеет искусственное происхождение.

Наконец, в-девятых, проведен сравнительный анализ моделей развития, предложенных Саудовской Аравией, Турцией, Ираном и исламистскими радикальными группировками для «мира ислама». Выделено 11 критериев сравнения, в числе которых — отношение к мусульманам другого течения. На основе проведенного сравнения сделан вывод о степени привлекательности каждой из моделей и возможностях их имплементации для различных стран Ближнего Востока.

Положения, выносимые на защиту.

1. Ближний Восток в политическом плане представляет собой сложную подсистему внутри глобальной системы международных отношений. В своем развитии БВПМО прошла четыре длительных периода, в каждый из которых выкристаллизовывалась та или иная особенность этой подсистемы, которая

характеризует ее по настоящее время. Одной из особенностей ближневосточной подсистемы является «исламский фактор», возникший в период халифата и влияющий на взаимодействие элементов внутри подсистемы, даже если эти элементы являются светскими государствами. В свою очередь, колониальный период истории региона определил насильственное включение Ближнего Востока в глобальную систему международных отношений, а период холодной войны способствовал зарождению в регионе ряда влиятельных идеологических течений, повлиявших на идентичностный ландшафт Ближнего Востока. Наиболее значимым событием периода холодной войны стала победа Исламской революции в Иране в 1979 г., обусловившая рост влияния «исламского фактора» на процесс развития ближневосточной подсистемы международных отношений в Новейшее время. В современный период, когда регион уже активно участвует в международно-политических процессах в качестве полноценного субъекта международных отношений, на ближневосточной подсистеме отражается тенденция роста влияния негосударственных и надгосударственных акторов. При этом Ближневосточный регион является благодатной почвой для появления разнообразных новых участников международных отношений, поскольку именно там в настоящее время продолжается формирование идентичности отдельных государств и сообществ, так как в ряде государств региона создание государств-наций по типу европейских по сути провалилось. В результате несостоятельности государства вакуум власти во многих сферах был заполнен негосударственными акторами, которые зачастую возникают как раз на основе общей идентичности — этнической, конфессиональной и проч.

2. Ислам является одним из ключевых факторов, определяющих характер внутренней среды БВПО и влияющих на отношения с рядом внешних акторов, особенно входящих в «мир ислама». Под «исламским фактором» понимается совокупность процессов и явлений, которые манифестируют и укрепляют влияние ценностей исламской религии на общественно-политические процессы в отдельных странах и мировой политике в целом. В рамках «исламского фактора» принципы исламской религии используются различными участниками внутри- и внешнеполитических процессов для реализации собственных интересов.

Согласно рассчитанному автором по оригинальной методике индексу, исламский фактор наиболее сильно влиял на ближневосточную подсистему МО в 1980-е гг., после победы Исламской революции в Иране, однако беспрецедентного воздействия на подсистему он достиг в 2011 г., когда сразу в нескольких странах региона к власти пришли исламистские партии. В 2012–2020 гг. индекс исламского фактора был стабильно высоким в результате

активности группировки ИГИЛ (запрещено в РФ), а также ряда вооруженных конфликтов, в которых имел место суннито-шиитский антагонизм (Сирия, Йемен, продолжающаяся нестабильность в Ираке).

3. В суннито-шиитском противостоянии в каждый из периодов развития Ближнего Востока как подсистемы международных отношений политика предшествовала религии: политические мотивы обусловили первоначальный раскол мусульманской уммы на суннитов и шиитов, а расхождения в вопросах догматики начало формироваться уже в результате самостоятельного развития общин. Более того, шиитский ислам сначала оформился как политическое движение, а затем сформировалась его догматика. В период холодной войны и в современный период шиизм ассоциируется не только с религиозной доктриной, отличной от суннизма, но и с определенным политическим видением государства и международных отношений.

В настоящее время политические мотивы по-прежнему доминируют над религиозными, поскольку догматические различия между суннитами и шиитами лишь подчеркивают и закрепляют политические разногласия между двумя сообществами, а также служат источником нарративов, питающих «дискурсивные войны» между общинами и государствами, позиционирующими себя в качестве выразителей интересов этих общин.

4. Внутри сообществ суннитов и шиитов на национальном и региональном уровнях можно выделить несколько групп противоречий, последовательно формировавшихся в различные периоды развития БВПО:

- политические режимы отдельных стран и оппозиция: обе стороны могут прибегать к использованию религиозной риторики и разжиганию суннито-шиитского антагонизма. При этом правящие режимы используют религию для легитимации собственной власти, а оппозиция — для того, чтобы оправдать свою антиправительственную деятельность;
- государство против отдельных форм проявления «исламского фактора» (в частности, против исламистских партий);
- внутри суннитской и шиитской общин отдельных стран: сторонники светского пути развития против сторонников исламского государства;
- в международных отношениях: сторонники различных концепций, подходов и моделей будущего развития «мира ислама»;
- противоречия между государствами внутри «суннитского» и «шиитского» блоков.

5. В рамках суннито-шиитского противостояния ведутся «дискурсивные войны», центральным нарративом которых выступает обвинение противника в отходе от «истинного ислама» или даже в ереси. Это свидетельствует о стремлении обеих сторон придать этому противостоянию не столько политическое, сколько фактически метафизическое значение, поскольку в ходе борьбы между этими течениями решается вопрос о том, кто будет выступать в качестве «исламской ортодоксии».

6. Исламские подходы к развитию международных отношений — как суннитские, так и шиитские — отличаются от западных подходов своим нормативным (а не экспликативным) характером, а также другой исходной предпосылкой: они опираются не на понятия «территория» или «государство», а на понятие уммы, то есть территории проживания сообщества мусульман. В свою очередь, шиитские подходы отличаются бóльшим разнообразием, однако в целом базируются на таких принципах, как справедливость, необходимость политического активизма, борьба с угнетением, в том числе в международных отношениях.

7. Наиболее сильно суннито-шиитский антагонизм проявился в иракском конфликте, в то время как в Йемене противоречия между суннитами-шафиитами и шиитами-зайдитами долгое время занимали периферийное место в гражданском противостоянии, заметно уступая кланово-племенному фактору. Во всех рассмотренных конфликтах — в Ираке, Сирии и Йемене — суннито-шиитский антагонизм активно использовался как региональными, так и внерегиональными акторами, особенно с целью нагнетания иранской угрозы и преувеличения возможностей Исламской Республики по консолидации транснационального шиитского движения.

8. Шииты, составляющие меньшинство внутри сообщества мусульман, и Иран как государство, позиционирующее тождественность своих национальных интересов и интересов транснациональной шиитской общины, вынуждены компенсировать недостаток материальных ресурсов — демографических (численное меньшинство), экономических (ограничения роста иранской экономики, находящейся под санкциями, и недостаточно высокий уровень экономического развития других стран с шиитским большинством, в частности Ирака), политико-дипломатических (слабо разветвленная сеть партнерств, нередко — плохие отношения с ведущими внерегиональными державами, например, у Ирана с США) — за счет привлечения мобилизационного потенциала идей и ценностей, лежащих в основе их идентичности. При этом с целью обратить демографическое меньшинство в свое преимущество используется идея избранности шиитов как людей, проживающих в «дар аль-иман», земле веры, в противовес «дар аль-исламу», территории ислама, на которой проживают сунниты.

9. Суннито-шиитский антагонизм оказывает незначительное влияние на индекс «исламского фактора», рассчитанный автором: количество событий, в которых присутствует этот антагонизм, как правило, не превышает 1/10 доли событий, учитываемых в индексе. Это объясняется, с одной стороны, небольшим количеством государств, в которых проживает шиитское население, по сравнению с общим числом стран региона, а с другой — высоким уровнем политизации ислама в ближневосточной региональной подсистеме в целом, и на фоне этой политизации суннито-шиитские противоречия, подчас привносимые в конфликты искусственно, уходят на второй план.

10. Анализ проектов по сближению между суннитами и шиитами позволил установить сильную зависимость успеха этих проектов от политической конъюнктуры в отдельных странах и внутренней среды БВПМО. Большинство инициатив, направленных на сближение течений, носили временный характер, были призваны решить те или иные политические проблемы путем уступок сторон в догматических вопросах, и сворачивались в случае ухудшения отношений между сторонами, вовлеченными в эти инициативы. Для использования возможностей международных площадок для диалога между суннитами и шиитами необходимо найти такого посредника, которому доверяли бы обе стороны, что на данный момент представляется затруднительным.

11. Наиболее привлекательную модель развития для стран Ближнего Востока и «мира ислама» предлагает Турция. Эта модель представляется самой применимой для наиболее широкого круга государств, поскольку не требует ни значительных запасов энергоресурсов, ни существенных трансформаций политических систем. Существенными факторами, обеспечивающими привлекательность турецкой модели, выступают военно-политическая самостоятельность государства, а также сочетание умеренного ислама и демократии в политической системе. Однако активной популяризации данной модели может воспрепятствовать экономическая слабость Турции, которая не всегда позволяет Анкаре обеспечивать ее амбициозные проекты сразу в нескольких регионах мира.

Теоретическая значимость исследования заключается в постановке и решении междисциплинарной теоретической проблемы влияния «исламского фактора» на ближневосточную подсистему международных отношений. Доказанные в диссертационном исследовании теоретические положения могут послужить опорой для дальнейших научных изысканий в области выявления влияния религии на международные отношения и отдельные региональные подсистемы, а предложенные методологические и методические подходы будут полезны при анализе материальных и идейно-

ценностных аспектов функционирования ближневосточной подсистемы международных отношений.

Методика балльной оценки и расчета индекса «исламского фактора» может быть экстраполирована на другие регионы, входящие в «мир ислама». Методика балльной оценки активности исламистских террористических группировок также может быть использована самостоятельно для оценки исламистской террористической угрозы в отдельных регионах мира.

Практическая значимость исследования. Фактологический материал, систематизированный в данном диссертационном исследовании, и полученные выводы могут представлять интерес для ведомств, разрабатывающих и реализующих внешнеполитическую стратегию Российской Федерации в странах Ближнего Востока (МИД России, Россотрудничество), Русской православной церкви и Духовного управления мусульман России, которые развивают контакты с организациями единоверцев и иноверцев в ближневосточных государствах и принимают участие в реализации международных инициатив по межрелигиозному диалогу (например, в Диалоге «Православие — ислам»), а также для неправительственных организаций религиозного и гуманитарного профиля, чья деятельность затрагивает те или иные аспекты внутриисламского диалога или взаимодействие с представителями конфессиональных сообществ Ближнего Востока.

Материалы и результаты данного исследования могут быть использованы в учебном процессе высших учебных заведений в рамках курсов «Религиозный фактор в мировой политике», «Ислам в мировой политике», «Ближний Восток в системе международных отношений», а также лечь в основу разработки спецкурсов по внутриисламскому диалогу и суннитско-шиитским отношениям.

Апробация результатов исследования. Диссертационная работа подготовлена и обсуждена на кафедре теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Основные результаты и выводы исследования отражены в 31 публикации диссертанта, в том числе одной монографии «Королевство Марокко — жемчужина Арабского Запада» (2013 г. — 1-е изд., 2020 г. — 2-е изд.), девяти публикациях в рецензируемых изданиях, включенных в международную базу Scopus и Web of Science, трех публикациях, включенных в RSCI, трех публикациях из Перечня ВАК, а также 15 публикациях в прочих изданиях.

Промежуточные результаты исследования были представлены автором в докладах и обсуждены участниками следующих конференций, конгрессов и круглых столов: «Добро и зло на Востоке: этика, политика, экономика»

(ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–15 ноября 2022 г.); I Санкт-Петербургский конгресс исследователей международных отношений «Глобальные и региональные вызовы в меняющемся мире» (СПбГУ, 10–12 ноября 2022 г.); «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки» (ИВ РАН, 16–18 марта 2020 г.; 15–17 марта 2021 г.; 21–23 марта 2022 г.); 60-й Конвент Ассоциации международных исследований (International Studies Association) (г. Торонто, Канада, 25 марта – 1 апреля 2019 г.); XII Конвент Российской ассоциации международных исследований (МГИМО МИД России, 21–22 октября 2019 г.); IX Международный форум «Ислам в мультикультурном мире» (ИВ РАН и КФУ, г. Казань, 26–27 сентября 2019 г.); 13-я Панъевропейская конференция по международным отношениям Европейской ассоциации международных исследований (EISA) (г. София, Болгария, 11–14 сентября 2019 г.) и др.

Фактологический материал, систематизированный в ходе проведения исследования, был инкорпорирован в рабочие программы дисциплин, читаемых автором в бакалавриате и магистратуре для студентов, обучающихся по специальностям «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение (Арабский Восток)» факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, проанализирована степень научной разработанности темы, сформулированы объект, предмет, цель и задачи исследования, а также объяснены хронологические рамки. Введение также содержит характеристику источниковой базы исследования, методологии и методов исследования, обоснование научной новизны исследования, и положения, выносимые на защиту. Раскрывается теоретическая и практическая значимость исследования, а также приводятся сведения об апробации исследования.

Первая глава «**Теоретико-методологические основания исследования международно-политического аспекта суннито-шиитских отношений**» посвящена обоснованию авторской периодизации формирования ближневосточной подсистемы международных отношений (БВПМО), выявлению ее особенностей и тенденций развития, а также раскрытию теоретических положений исследования влияния исламского фактора на

ближневосточную подсистему международных отношений, включая авторскую методику расчета индекса исламского фактора. Также раскрыты исторические и политические предпосылки, приведшие к внутриисламскому расколу и последующему суннито-шиитскому противостоянию в международно-политической сфере.

В первом параграфе *«Ближневосточная подсистема международных отношений: этапы формирования и особенности развития»* раскрываются особенности БВПМО в рамках каждого из четырех периодов, предложенных автором для объяснения исторических закономерностей формирования особенностей этой региональной подсистемы.

Исходя из характеристик ключевых элементов подсистемы — государств — выделены четыре периода.

Период халифата (VII — перв. пол. XIII в.) характеризовался тем, что населенные арабами территории преимущественно входили в состав единого государства, в основе которого лежали ислам и нормы шариата. В рамках первого периода зародились такие особенности ближневосточной подсистемы, как неразрывность внутренней и внешней политики, а также влияние религиозной идентичности элементов подсистемы (пока только у арабов, в тесной связке с этнической идентичностью) на международно-политические процессы в регионе.

В материальном плане исламское государство смогло расширить свои территории, укрепить демографический и мобилизационный потенциал, а также в ходе взаимодействия с другими народами и цивилизациями познакомиться с новыми технологиями и научными достижениями в различных областях. Что касается идейно-ценностного компонента, то главным достижением первого периода здесь стало начало процесса формирования религиозной (исламской) идентичности у арабов-мусульман и политических аспектов шиитской идентичности — у сторонников халифата Али и его потомков.

Имперский период (втор. пол. XIII — 1945 г.) характеризовался существованием многонациональных империй, взаимодействующих в рамках межимперской конкуренции и трансформирующихся под влиянием внешних завоеваний или необходимости сопротивляться внешней экспансии, то есть особенности подсистемы определялись как внутренней, так и внешней средой подсистемы. Данный период имел решающее значение для формирования как самой ближневосточной подсистемы международных отношений, так и для суннито-шиитских отношений, которые именно в этот период приобрели свое международно-политическое измерение, поскольку выступали одним из аспектов межимперской конкуренции на Ближнем Востоке

Период холодной войны (1945–1989 гг.) совпал с процессом становления и консолидации независимых национальных государств на Ближнем Востоке, продемонстрировав влияние внутривосточного развития на внешнюю политику стран региона. Кроме того, на БВПО сильное влияние оказывали особенности глобальной международной системы, характеризовавшейся биполярностью, идеологическим противостоянием сверхдержав США и СССР, что обусловило повышенный интерес со стороны Вашингтона и Москвы к трансформациям ближневосточной подсистемы вследствие Исламской революции в Иране (1978–1979 гг.), Ирано-иракской войны 1980–1988 гг. и событий в Афганистане (1979–1989 гг.). В этот период впервые в Новейшей истории «исламский фактор» приобрел определяющее значение для международных отношений на региональном уровне, а также способствовал появлению в международной повестке нового вопроса, связанного с «исламским возрождением» и необходимостью реакции на него.

Наконец, современный период, начавшийся в 1990 г., характеризуется ростом влияния и роли негосударственных акторов в ближневосточной подсистеме международных отношений, что определяется как внутренней средой подсистемы — ослаблением национальных государств вследствие внутривосточной неустойчивости, так и глобальными тенденциями, такими как глобализация и регионализация, которые порождают трансформацию отношения к территории и государственным границам (они становятся проницаемыми), а также актуализируют вопрос идентичности различных сообществ, который для многих решается путем обращения к этничности или религии как основной категории самоидентификации.

Установлено, что ближневосточная подсистема международных отношений отличается многоаспектной неоднородностью, поскольку состоит из различных элементов — как государств, так и негосударственных акторов. В свою очередь государства представляют собой различные политические системы (монархии и республики, последние — суперпрезидентские и парламентские, а также исламская республика (в частности Иран)), неоднородные в экономическом плане (богатые и бедные ресурсами). Неоднородность наблюдается и в сфере безопасности, поскольку часть государств больше страдает от конфликтов, деятельности террористических группировок, водных проблем и проч., в то время как ряд государств (в основном из числа финансово благополучных) являются достаточно безопасными. Неоднородность элементов подсистемы приводит к фрагментации внутри последней.

В ближневосточной подсистеме традиционно отсутствует государство — «ядро» системы, или региональный гегемон, что во многом определяет две другие особенности — фактически непрекращающуюся борьбу за

региональное лидерство и высокий уровень конфликтности внутри подсистемы. Отсутствие «ядра» также объясняет сосуществование тенденции, противоположной региональной конкуренции, — регионального сотрудничества, которое проявляется в форме возникновения блоков государств, которые призваны компенсировать недостаток влияния отдельного государства, претендующего на роль «ядра» подсистемы, и увеличить его шансы на победу в борьбе за статус регионального гегемона. Примерами могут служить такие субрегиональные организации, как Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) или ныне реально не функционирующий Союз арабского Магриба (САМ).

На БВПМО сильное влияние оказывают многочисленные факторы внешней среды, такие как внешнее вмешательство (начиная с последнего этапа периода халифата и имперского периода до современного периода), зависимость от международной экономической конъюнктуры, особенно цен на нефть на мировом рынке, а также зависимость от различных форм внешнего финансирования.

В ближневосточной подсистеме одну из центральных ролей играет «исламский фактор», который выступает одновременно в качестве как материального, так и идейно-ценностного компонента этой системы. Так, прообраз Арабского халифата, особенно времен «праведных халифов», выступает идеальной моделью реально существовавшего исламского государства (материальный компонент), и проекты по его воспроизведению в современных условиях предлагали многочисленные политические силы Ближнего Востока и — шире — «мира ислама». Ислам также служит мощным инструментом мобилизации народных масс для правителей различных эпох (материальный и идейно-ценностный компоненты); ценности ислама и/или защиты святых мест лежат в основе ряда региональных конфликтов (идейно-ценностный компонент).

Наконец, важной особенностью ближневосточной подсистемы является необходимость наличия общего врага для консолидации внутренней среды этой подсистемы, причем этот враг может появиться как внутри, так и извне подсистемы. Как представляется, только общий враг может помочь элементам подсистемы на некоторое время забыть о своих разногласиях и сплотиться для борьбы с ним. Если среди элементов подсистемы отсутствует солидарность в том, кто является для них общим врагом, фрагментарность подсистемы будет проявляться более отчетливо. Соответственно, значимые трансформации внутри подсистемы нередко связывались именно со сменой «фигуры» общего врага.

Во втором параграфе *«Методология исследования влияния „исламского фактора“ на процесс развития ближневосточной*

подсистемы международных отношений» обоснованы теоретические положения, лежащие в основе авторского подхода к выявлению форм и интенсивности влияния «исламского фактора» на БВПМО. Данный подход базируется на необходимости учета внутренней и внешней сред подсистемы в неразрывной взаимосвязи, которую позволил выявить анализ различных периодов развития БВПМО.

Учитывая специфику предмета исследования — религии (в частности, ислама) как фактора, влияющего на взаимоотношения акторов международных отношений, необходимо выделять два аспекта этого влияния на мировую политику — идейно-ценностный (влияние религиозных взглядов или ценностей на отдельных лиц, принимающих внешнеполитические решения, а также на многие институты, нормы и ценности общества, а также на идентичность этих лиц, обществ и институтов) и материальный (религия как центральный пункт внешней политики, а также материальные аспекты взаимодействия негосударственных субъектов, движимых религиозными интересами, с правительствами одной или нескольких стран).

Доказано утверждение, что «политическое» изначально было включено в поле религии как в исламе, так и в других религиозных системах, особенно в христианстве, которое внесло свой вклад в формулирование принципов и норм межгосударственных взаимодействий и в науку о международных отношениях как самостоятельную дисциплину. Более того, подтверждено, что ислам как одна из «религий закона» оказывает тотальное влияние на жизнь сообщества своих последователей, а также содержит разработанные представления о справедливом правлении и подлинно исламской государственности.

Обоснование тезиса о том, что ислам определяет также восприятие международных отношений и позицию государств и отдельных действующих лиц, в том числе за пределами Ближнего Востока, позволяет утверждать о высокой степени нормативного влияния этой религии на БВПМО, а также сформулировать авторское определение исламского фактора.

Третий параграф *«Балльная методика расчета „индекса исламского фактора“»* посвящен введению в научный оборот, описанию и апробации авторской количественной методики расчета «индекса исламского фактора» (ИИФ). На основе авторского определения «исламского фактора» и форм его проявления в мировой политике было выделено 11 типов событий для учета в ИИФ (война, вооруженный конфликт с участием двух и более стран «мира ислама»; война, вооруженный конфликт с участием одной страны «мира ислама»; исламская революция; провозглашение исламского государства; победа исламистов на выборах и работа исламистского правительства; гражданская война, внутригосударственные столкновения на почве религии;

народные протесты с участием исламистов / под исламскими лозунгами; возникновение исламистской партии/организации/ группировки; вооруженная интервенция иностранного государства (государств) с целью борьбы с исламом / исламистским терроризмом; убийство исламистами политического лидера; террористическая активность исламистских групп). Описан пошаговый алгоритм расчета индекса, начиная с критериев отбора исламистских группировок для анализа их террористической активности. Расчет ИИФ позволил эмпирически подтвердить, что Исламская революция в Иране способствовала росту влияния исламского фактора на ближневосточную подсистему международных отношений, и опровергнуть аналогичный эффект от терактов 11 сентября 2001 г. Период беспрецедентно высокого ИИФ начался в 2011 г., после «арабской весны», в результате которой в ряде стран к власти пришли исламистские партии и которая вылилась в вооруженные конфликты в Сирии, Ливии и Йемене. В свою очередь, в конфликтных регионах смогли укрепить свое влияние джихадистские террористические группировки, активность которых влияет на стабильно высокий ИИФ вплоть до настоящего времени.

В четвертом параграфе *«Исторические и политические предпосылки суннито-шиитского антагонизма»* выявлены причины, приведшие к внутриисламскому расколу на суннитов и шиитов. Анализ специфики доисламского общества Аравии позволил подтвердить тезис о неразрывности ислама и политики, а также обнаружить истоки разделения внутри мекканской общины времен зарождения ислама на сторонников одного из двух параллельно существовавших принципов передачи власти: наследственного, то есть в рамках одной семьи (феномен шейхствующих семейств), и выборного, когда главой общины мог избираться самый авторитетный из ее членов. Вопрос о принципе передачи власти впоследствии ляжет в основу «фитны», т.е. разделения мусульманской уммы на суннитов и шиитов.

Далее, обращаясь к ранее описанной авторской периодизации развития ближневосточной подсистемы международных отношений, автор доказывает, что в период халифата оформляется различие во взглядах на содержание и практическое воплощение концепции халифата (в суннизме) и имамата (в шиизме), которое обусловило углубление разногласий между этими двумя общинами по таким проблемам, как природа власти, принципы ее преемственности и границы полномочий халифов и имамов в светской и духовной сферах. Уже в имперский период это отразилось и на международных отношениях следующим образом.

Во-первых, разными путями начали развиваться институты улемов в суннитском и шиитском исламе (данный процесс рассмотрен на материале суннитской Османской империи и шиитского Сефевидского Ирана) и по-

разному складывались отношения между улемами и официальной государственной властью в лице суннитских или шиитских правителей, что обусловило различную степень влияния мусульманских ученых на политические процессы уже на современном этапе.

Во-вторых, различные взгляды на природу власти, а также окончательно оформившиеся в имперский период догматические различия между суннизмом и шиизмом обусловили возникновение внутри суннитской и шиитской интеллектуальной мысли подходов к развитию международных отношений.

Во второй главе **«Суннито-шиитские отношения в контексте межгосударственной конкуренции на Ближнем Востоке: идейно-ценностный аспект»** проанализированы этапы формирования суннитской и шиитской идентичности в имперский период, выявлены особенности теоретических подходов к международным отношениям, сформировавшихся в суннитской и шиитской частях «мира ислама», а также исследовано использование отдельных аспектов суннито-шиитских противоречий государствами в рамках ведения «дискурсивных войн».

Первый параграф **«Этапы формирования суннитской и шиитской политической идентичности в имперский период»** содержит анализ особенностей, механизмов и инструментов использования идейно-ценностного компонента суннито-шиитских отношений в целях междержавной конкуренции, имевшей место в имперский период между османской Турцией и Ираном Сефевидов, а позднее — между Великобританией и Францией, соперничавших за контроль над территориями, населенными арабами, после распада Османской империи. В этот период под влиянием наследия османо-сефевидского соперничества и последствий мандатного управления Великобританией и Францией происходит кристаллизация ключевых идейно-ценностных компонентов идентичности суннитов и шиитов, а также закладываются основы путей модернизации ближневосточных государств. Кроме того, в суннитской и шиитской интеллектуальной среде оформляются влиятельные политические концепции, доктрины и подходы к тому, как государства должны выстраивать внутреннюю политику и взаимодействовать между собой на мировой арене.

Рассмотрение использования суннито-шиитских противоречий в рамках османо-сефевидского противостояния, а также в ходе реализации принципов мандатного управления Великобританией и Францией в начале XX в. позволило установить, что на национальном уровне к религиозной риторике прибегают как правящие режимы, стремящиеся легитимировать и освятить собственную власть, так и оппозиция с целью оправдания своей

антиправительственной деятельности высокими мотивами борьбы против «неверных»/несправедливых правителей. В междержавной конкуренции стороны активно прибегали к обвинению оппонента в «ереси» и искажении исламского вероучения, а также к стигматизации иноконфессионального меньшинства на своей территории: в частности, в Османской империи гонениям подвергалось шиитское меньшинство, а в Сефевидском Иране имела место дискриминация суннитского меньшинства, особенно в периоды обострения двусторонних отношений. Политика опоры государств-мандатариев на конфессиональные меньшинства в Ираке и Сирии заложила основы для конфликтности, которая проявилась уже на современном этапе. Кроме того, исламская интеллектуальная мысль того периода породила разнообразные подходы к внутренней и внешней политике, что обусловило раскол внутри и суннитской, и шиитской общин на сторонников светского и исламского путей развития, прозападно и антизападно настроенных деятелей, в то же время по-разному относящихся к роли исламских религиозных деятелей в политике государств.

Во втором параграфе *«Особенности суннитских и шиитских подходов к развитию международных отношений на Ближнем Востоке»* освещены ключевые исламские концептуальные подходы к международным отношениям, сложившиеся в суннитской и шиитской интеллектуальной среде: классическое трехчленное деление мира на «дар аль-ислам» (территорию ислама), «дар аль-харб» (территорию войны) и «дар аль-ахд» (территорию договора), концепцию универсального гуманизма Мухаммада Абу Захры (XX в.), шиитскую дихотомию «обездоленные — высокомерные» (мустанд'афун/ мостазефин — мустакбирун/ мостакберин) и концепцию «Умм аль-кура» Мохаммада Джавада Лариджани.

Для исламских подходов в целом характерны нормативность, а не экспликативность, иное по сравнению с западными концепциями понимание территории и ее роли в международных отношениях, а также религиозно-«центрированный» подход к типологизации политических субъектов, согласно которому «международные отношения» понимаются скорее как взаимодействие между исламским государством с его неисламским окружением. Такая оптика обуславливает деление мира на «дар аль-ислам» (причем важно, что слова «ислам» и «салам» — мир — являются однокоренными в арабском языке) и «дар аль-харб», проистекающее из наличия или отсутствия религиозных свобод и безопасности в конкретном месте в определенный период времени. В таком контексте круг вопросов, рассматриваемых учеными в связи с отношениями между «территорией ислама» и «территорией войны», сводился к проблемам имплементации исламского законодательства, выполнения исламских религиозных

предписаний на немусульманских территориях, а также международной торговли. Каждая из четырех суннитских религиозно-правовых школ (мазхабов) по-своему решала эти проблемы, что дает основание утверждать о наличии противоречий как между суннитами и шиитами, так и внутри суннитского сообщества.

В свою очередь, шиитские подходы к международным отношениям характеризуются тем, что они оперируют центральными для шиизма понятиями и принципами веры (усуль ад-дин) (главным образом понятием справедливости) для обоснования потребности в политически активных действиях для создания справедливых обществ, борьбы против несправедливых правителей и тиранов, а также против внешних захватчиков. Более того, в шиитских концепциях проявилась и такая черта шиизма, как его эзотерический характер: шииты делят мир на «дар аль-ислам» и «дар аль-иман» (территорию веры), и границы последней совпадают с границами распространения именно шиитской ветви ислама. Это подчеркивает претензии шиитов на внешнее признание за ними статуса носителей «исламской ортодоксии», поскольку для себя они этот вопрос они уже решили.

Шиитские подходы включают взгляды не только иранских, но также иракских и ливанских интеллектуалов. Подходы последних существенно отличаются от предлагаемых иранскими и иракскими муджтахидами теоретических разработок, что обусловлено уникальностью ливанского общественно-политического ландшафта, в котором создавались рассмотренные подходы, главным образом — поликонфессиональностью этой страны, в условиях которой, во-первых, невозможна имплементация принципов чисто исламского государства, а во-вторых, насущной является проблема налаживания внутриисламского диалога и гармоничного взаимодействия с христианским миром.

В третьем параграфе *«Суннито-шиитский антагонизм как элемент межгосударственных „дискурсивных войн“ на Ближнем Востоке»* с опорой на конструктивистский подход к международным отношениям рассматривается феномен «дискурсивных войн» в ближневосточной подсистеме. «Дискурсивные войны» — это превращение языка в оружие противоборствующими сторонами с целью узаконить свои нарративы, политику и идеологию и одновременно лишить легитимности политику и нарративы своих противников, при этом наиболее часто используются языковые выражения идентичности, направленные на мобилизацию собственного населения (материальный аспект) и проведение четких границ между «своими» и «чужими» (идейно-ценностный аспект).

Наиболее ярким примером «дискурсивной войны» в регионе представляется саудовско-иранское противостояние, в которое оказались

вовлечены практически все государства Ближнего Востока, в особенности те, где проживают представители как суннитской, так и шиитской общин: Ирак, Сирия, Йемен, Ливан, Бахрейн и ряд других.

Ключевой бинарной оппозицией в «дискурсивной войне» в регионе выступает пара «(истинный) мусульманин» — «еретик». Стремясь подчеркнуть собственную «правоверность», которая должна сакрализовать реализуемую одной из сторон «дискурсивной войны» политику и сделать истинными отстаиваемые ею принципы, оппонент позиционируется как «отступивший» от истинной веры, «впавший в ересь» или даже неверие.

В практике суннитов наиболее часто встречается выражение «ар-рафида» (араб. «отвергающий», «оставляющий»), подчеркивающее, что шииты отвергли халифат Абу Бакра и Умара, которые узурпировали власть, принадлежавшую Али по настоянию пророка Мухаммада. В свою очередь шииты используют более абстрактный термин «навасиб» (араб. «мошенничество, обман»), подчеркивающий негативное отношение суннитов к четвертому «праведному» халифу и первому шиитскому имаму — Али. Оба термина возникли еще на заре распространения ислама, однако в разные периоды «обогащались» дополнительными смыслами, но при этом всегда маркировали политическое измерение суннито-шиитского антагонизма. Так, использование в современных реалиях слова «навасиб» призвано подчеркнуть антиалидскую природу и антишиитский характер современного суннизма и выдвинуть на передний план «менталитет меньшинства», присущий шиитам, поскольку в большинстве ближневосточных стран шииты составляют меньшинство населения. Диапазон значений термина «ар-рафида», фигурирующих в рамках «дискурсивных войн», простирается от отрицания легитимности халифата Умара и Усмана до утверждений о том, что шииты будто бы отрицают ислам как таковой, нарушая принцип строжайшего монотеизма (таухид), присущий исламу, «поклоняясь могилам» и обожествляя имама Али. Такая радикальная трактовка присуща главным образом речам представителей джихадистских группировок, стремящихся оправдать свое насилие и нарушение прямого религиозного запрета на убийство мусульман, пытаясь убедить своих единоверцев в том, что шииты якобы и не являются мусульманами.

В период холодной войны лексикон «дискурсивных войн» пополнился: так, в Ираке оскорбительным для шиита стало обвинение в сочувствии коммунистам (игра на созвучии арабских слов «шиит» (ши‘и) и «коммунист» (шуйу‘и), а для суннита после свержения партии «Баас» — в связях с режимом С. Хусейна («саддамит»). В современный период наблюдается возрождение интереса к сюжетам из средневековой истории ислама, из которых черпаются нелицеприятные выражения для использования в рамках «дискурсивных

войн»: шиитов все чаще называют «сефевидами» или «маджусами» (магами, как именуются зороастрийцы в Коране), стремясь подчеркнуть их связь с Ираном даже там, где ее нет, а суннитов — «ваххабитами», «такфиристами» или «детьми Язида» (омейядского халифа, отдавшего приказ убить третьего шиитского имама, Хусейна). Это свидетельствует о силе воздействия, которое оказывает применение таких эпитетов в адрес противоборствующей стороны, а следовательно, об укорененности используемых сюжетов из исламской истории в коллективной памяти народов Ближнего Востока.

Третья глава **«Суннито-шиитские отношения в рамках межгосударственной конкуренции на Ближнем Востоке: материальный аспект»** посвящена анализу суннито-шиитского антагонизма в ближневосточных конфликтах в Ираке, Йемене и Сирии, выявлению специфики суннито-шиитских противоречий в Ливане и арабских монархиях Персидского залива с целью оценки конфликтного потенциала этих противоречий, а также изучению исторического опыта и современных проектов по сближению суннитов и шиитов. В данной главе особое внимание уделено изучению влияния внешней среды ближневосточной подсистемы международных отношений на суннито-шиитские отношения в рассматриваемых государствах, поскольку именно внерегиональные акторы чаще всего используют внутриисламские противоречия в качестве материального (а именно мобилизационного) ресурса, не придавая им идейно-ценностного характера.

В первом параграфе **«Суннито-шиитский антагонизм в конфликтах на Ближнем Востоке»** проведен сравнительный анализ проявлений суннито-шиитского антагонизма в иракском, сирийском и йеменском конфликтах. Внутренняя среда БВПМО анализируется на двух уровнях — национальном и региональном. Национальный уровень анализа предполагает выявление особенностей положения суннитской и шиитской общин в общественно-политической жизни отдельной страны накануне конфликта (участие общин в политике, наличие светских или исламистских партий и движений, а также факты дискриминации общин как причина конфликтности), позиции общин по конфликту и роль в нем (включая деятельность негосударственных вооруженных акторов (НГВА)), а также изучение изменений в статусе общин в ходе или после завершения конфликта. Региональный уровень анализа предусматривает оценку влияния региональных акторов (Саудовской Аравии, Ирана, Турции и др.) на суннито-шиитские отношения в отдельных странах, а также выявление целей и интересов региональных акторов в рассматриваемых конфликтах.

В рамках исследования влияния внешней среды подсистемы на конфликт рассматриваются цели и интересы внерегиональных акторов в иракском, сирийском и йеменском конфликтах, а также факты использования этими акторами суннитско-шиитских противоречий для реализации собственных политических целей в регионе.

Установлено, что основа для суннитско-шиитских противоречий на национальном уровне существовала только в Ираке и Сирии, однако в сирийском случае эти противоречия фактически невозможно отделить от исторических региональных (как, например, борьба двух центров торговли — Дамаска и Алеппо) и кланово-племенных противоречий (борьба за власть и влияние). В свою очередь, буферное положение Ирака, обусловившее противостояние за контроль над ним между Османской и Сефевидской империями, также создало основание для использования суннитско-шиитского антагонизма на национальном (территория современного Ирака как османские провинции) и региональном (османо-сефевидское соперничество) уровнях. Что касается Йемена, то в этом случае основы конфликтности между суннитами и шиитами-зайдитами на национальном уровне не было вовсе.

На региональном уровне, как уже было отмечено, интерес к Ираку проявился гораздо раньше, чем к Сирии и Йемену, и использование региональными акторами суннитско-шиитских противоречий в этой стране носило устойчивый характер. В Сирии региональные акторы начали прибегать к разыгрыванию «конфессиональной карты» уже после прихода к власти Х. Асада, точнее, после образования сирийско-иранского альянса в начале 1980-х гг. В Йемене также влияние региональных держав (а именно Саудовской Аравии) на межконфессиональные отношения наблюдается с 1980-х гг., когда в страну начала проникать салафитская идеология.

На современном этапе во всех трех случаях суннитско-шиитские отношения политизируются региональными субъектами — в первую очередь Саудовской Аравией, Ираном, Катаром, в меньшей степени — Турцией и ОАЭ.

Внешняя среда подсистемы стабильно оказывала влияние на суннитско-шиитские отношения в Ираке и Сирии, начиная с мандатного периода и далее, в то время как в Йемене этот фактор носил скорее второстепенный характер и не приводил к обострению межконфессиональных отношений. Более того, в случае Йемена в период холодной войны внерегиональные акторы в принципе не прибегали к политизации суннитско-шиитских противоречий, поскольку в центре противостояния находились идеологические разногласия.

Ключевыми внерегиональными субъектами, использовавшими суннитско-шиитский антагонизм, были Великобритания (в Ираке), Франция (в Сирии) и США (во всех трех случаях, однако не ранее чем с 1990-х гг.). При этом

тактики этих трех держав были различны: если британцы и французы, реализуя принцип «Разделяй и властвуй», опирались на меньшинства или христианские общины, то США могли выбирать в качестве проводников своих интересов как суннитов (Сирия и Йемен), так и шиитов (Ирак). Это позволяет нам сделать заключение, что для США инструментализация и политизация суннито-шиитских противоречий носит чисто прикладной (материальный) характер и не отражает стремление поддерживать идейно-ценностные установки той или иной общины.

Во втором параграфе *«Суннито-шиитский антагонизм как фактор дестабилизации ситуации в Ливане и аравийских монархиях»* исследована специфика суннито-шиитских отношений в Ливане и аравийских монархиях (Бахрейне, Катаре, Кувейте, Объединенных Арабских Эмиратах, Омане и Саудовской Аравии) и оценен конфликтный потенциал этих отношений.

Проведенный анализ позволил выявить две модели поведения шиитских общин во взаимодействии с собственными правительствами. В рамках первой шииты стремятся получить власть или расширить свое политическое представительство (Ливан), а в рамках второй — преодолеть дискриминацию со стороны правящих режимов (Бахрейн) и сократить разрыв в возможностях, существующий между ними и большинством населения (Саудовская Аравия). Также отмечено, что в тех странах, где политическое представительство шиитов пропорционально их численности (Кувейт), острого суннито-шиитского антагонизма на настоящий момент не наблюдается.

Выявление специфики суннито-шиитских противоречий в отдельных странах продемонстрировало, что во всех рассмотренных случаях на обострение отношений между двумя общинами значительное (Ирак) или решающее (Сирия, Йемен, Ливан) влияние оказывает внутренняя среда ближневосточной подсистемы международных отношений.

Применение авторской методики расчета индекса исламского фактора для установления соотношения между ИИФ и количеством событий, в которых имел место антагонизм между суннитами и шиитами, позволило эмпирически подтвердить, что количество событий, связанных с суннито-шиитскими противоречиями, в исследуемый период не превышало 10 % от всех событий, формирующих «исламский фактор» в ближневосточной политике. Это свидетельствует о преувеличении степени влияния суннито-шиитских противоречий на ближневосточную подсистему международных отношений в общем контексте проявлений «исламского фактора».

Третий параграф *«Преодоление суннито-шиитского антагонизма: возможности и ограничения»* посвящен исследованию исторических примеров и современных инициатив по преодолению разногласий между суннитами и шиитами. Хронологический подход позволил проследить

развитие идеи внутриисламского сближения, выявить специфику проектов сближения, предлагаемых в разные исторические периоды, и оценить итоги реализации этих проектов.

Рассмотрение инициатив по сближению течений, выдвинутых в период халифата правителями из династии Аббасидов в IX–XI вв., затем в имперский период — на Неджефской конференции, созванной по инициативе Надиршаха в 1743 г., после революции младотурок в Османской империи, а также в период холодной войны в рамках деятельности «Джамаат ат-такриб» (1950-е гг.) позволило сделать вывод, что все попытки преодоления суннито-шиитского антагонизма были вызваны не искренним желанием сторон устранить разобщенность в «мире ислама», а лишь политической целесообразностью. Правящие круги, которые обычно и выступали инициаторами сближения, либо стремились подавить проявления шиитского политического активизма, либо хотели решить какие-либо иные политические проблемы за счет использования религии.

Выявлено значимое различие в мотивах, которыми руководствуются суннитская и шиитская стороны при поддержке проектов по сближению. Так, для суннитов как большинства внутри мусульманской уммы подобные проекты интересны только в рамках демонстрации некоего «акта доброй воли», позволяющего сохранять свое превосходство и периодически получать подтверждение, что шииты по-прежнему признают себя в качестве меньшинства или группы с более низким статусом внутри мусульманского сообщества. При этом как только политическое самосознание шиитского меньшинства стало восприниматься суннитами как угроза сложившемуся статус-кво, все проекты по сближению были фактически свернуты. В свою очередь, для шиитов эти проекты, по сути, являются залогом выживания в мусульманской умме, особенно перед лицом угрозы, исходящей от антишиитской риторики и деятельности радикальных исламистских группировок, которые призывают к физическому истреблению шиитов как «отступников» внутри ислама.

Также проанализированы региональные и глобальные инициативы, способные стать площадкой для сближения между суннитами и шиитами в контексте более широкого взаимодействия между различными религиями. Установлено, что в случае с региональными инициативами на этот диалог и его продуктивность всегда непосредственно влияет внутренняя среда ближневосточной подсистемы международных отношений. На глобальном уровне речь идет, как правило, о нехватке доверия со стороны ближневосточных государств зарубежным (особенно западным) партнерам, поскольку последние нередко используют инициативы межрелигиозного и

межконфессионального диалога для реализации политических целей, продвижения повестки демократии и защиты прав человека и т. д.

В четвертой главе «**Суннитские и шиитские модели развития „мира ислама“: сравнительный анализ**» изучены конкурирующие модели развития, которые предлагаются главными претендентами на лидерство в ближневосточной подсистеме международных отношений: Саудовской Аравией, Турцией и Ираном, а также исследованы особенности исламистской такфиристской модели, продвигаемой группировкой ИГИЛ (запрещено в РФ) как негосударственным актором, оказывавшим значительное влияние на БВПМО в течение более чем 10 лет.

В качестве критериев сравнительно анализа предложены следующие: тип модернизации; политическая система; экономическая модель; место ислама во внутренней политике; принципы внешней политики; роль ислама во внешней политике; инструменты «мягкой силы»; религиозная дипломатия; отношение к мусульманам иного течения; преимущества модели; ограничения модели.

Первый параграф «*Саудовская модель*» содержит анализ модели развития, продвигаемой Королевством Саудовская Аравия, которое представляет собой пример успешной модернизации. Современный этап модернизации связан со снижением зависимости саудовской экономики от экспорта нефти, либерализацией общественной жизни и корректировкой имиджа страны на международной арене. При этом для ближневосточных государств важно, что государство является инициатором и локомотивом модернизационных реформ, и Саудовская Аравия демонстрирует именно такой подход. Привлекательной чертой саудовской модели представляется внешнеполитический курс, являющийся охранительным, умеренным, прагматичным и многовекторным по своей сути, что позволяет государству реализовывать свои национальные интересы путем взаимодействия как со странами коллективного Запада, так и с государствами Глобального Юга.

На современном этапе Саудовская Аравия может выступать в качестве образца общества, умело сочетающего исламские традиции с ограниченной либерализацией в социальной жизни. Подобный вариант влияния религии на внутреннюю политику комплиментарен для светских государств региона со значительной долей консервативного населения, неготового принять отделение политики от духовной жизни.

Среди ограничений саудовской модели следует назвать «нефтяной» тип модернизации, а также столь активное использование многообразных инструментов «мягкой силы», требующее больших финансовых затрат, — все это недоступно для стран, которые не обладают значительными запасами углеводородов.

В политическом плане не подлежит адаптации и саудовская модель управления, базирующаяся на династической монархии и сочетающая в себе архаичные и современные элементы, традиции и новации, поскольку подавляющее большинство стран Ближнего Востока являются республиками, а у монархий нет тех инструментов легитимации режима (в частности, религиозных), какими обладает династия Аль Сауд.

Серьезным недостатком саудовской модели видится монокультурный и сырьевой характер экономики, который пока не удается преодолеть, хотя первые инициативы по диверсификации начали реализовываться несколько десятилетий назад.

В социальном плане существенным ограничением саудовской модели является то, что Королевству так и не удалось преодолеть фрагментацию внутри государства, то есть до конца объединить регионы страны, обладающие уникальной самобытностью.

Во втором параграфе «*Турецкая модель*» выявлены особенности модели развития, предлагаемой Турецкой Республикой государствам Ближнего Востока с момента начала «арабской весны».

Первым преимуществом, особенно ярким на фоне рассмотренной выше саудовской модели, является то, что Турция обладает развитым военно-стратегическим потенциалом.

Также к преимуществам модели следует отнести достаточно развитый уровень демократии, многопартийности и институтов гражданского общества, а также баланс между умеренным исламом и светскими принципами в общественно-политической жизни страны. При этом по сравнению с саудовской моделью значительным преимуществом турецкой модели является то, что она базируется на производственном секторе экономики и сфере услуг, а не на сырье, что обеспечивает также необходимый потенциал для повышения доли высокотехнологичных товаров в будущем.

Говоря о слабых сторонах турецкой модели, отметим, что для многих арабских стран, где сильно влияние военных кругов, существенное сокращение роли армии в политике может стать серьезным ограничением для применения этой модели развития. Вместе с тем реформы по турецкому образцу могут восприниматься как вариант по поступательному снижению роли армии в общественно-политической жизни отдельных ближневосточных государств с целью демократизации и стабилизации политических систем, а также увеличения роли гражданского общества.

В политической сфере турецкая модель стала менее привлекательной для ближневосточных стран после перехода от парламентской к суперпрезидентской республике в 2017 г. В экономическом плане среди ограничений следует выделить главным образом стагнацию среднего класса и

высокий уровень зависимости экономики Турции от внешних источников финансирования и в целом — макроэкономической и геополитической ситуации.

Также к ограничениям турецкой модели, которые могут препятствовать ее имплементации именно в странах Ближнего Востока, но служить преимуществом в других регионах «мира ислама», например в Центральной Азии, относится неарабская идентичность и турецкий язык как неотъемлемые элементы идентичности Турецкой Республики.

В третьем параграфе *«Такфиристская исламистская модель развития для „мира ислама“»* изучена модель «халифата» ИГИЛ (запрещено в РФ), поскольку эта джихадистская группировка ближе всех приблизилась к созданию государства, поэтому необходимо объяснить феномен популярности идей, транслируемых ИГ (запрещено в РФ), среди мусульман в различных странах, что представляется значимым в свете анализа суннитско-шиитских отношений.

Анализ ключевых особенностей такфиристской исламистской модели развития позволяет утверждать, что единственной сильной стороной модели является ее потенциал как альтернативы государству, построенному на идее нации, поскольку в ряде государств Ближнего Востока (и шире — в «мире ислама») данная идея продемонстрировала свою неэффективность.

Среди ограничений этой модели следует назвать неустойчивость экономической модели, основанной на криминальной деятельности, принуждении и чрезмерно зависимой от внешних факторов; неэффективную политическую систему: забюрократизованность, дублирование функций двумя и более органами, отсутствие каких-либо форм волеизъявления народа; беспрецедентный уровень жестокости и насилия в отношении населения; высокие и нефиксированные налоги, направлявшиеся преимущественно на военные нужды, а не на социальное развитие и экономический подъем; искаженный вариант ислама, который был осужден большинством авторитетных исламских деятелей по всему миру; отсутствие верховенства права, второстепенность судебной системы и ее репрессивный характер.

В четвертом параграфе *«Модель Исламской Республики Иран»* выявлены специфические черты иранской модели, уникальность которой проявилась в устойчивости Ирана и его экономики к внутренним и внешним вызовам, в частности — санкционному давлению. Во внешней политике данная модель отличается балансом между декларируемыми принципами и реальными интересами, что свидетельствует о детальной проработке внешнеполитических мероприятий и долгосрочном характере планирования в данной сфере. Также безусловным преимуществом иранской модели является ориентация государства на защиту обездоленных слоев населения и

достижение справедливости в распределении благ. Проблема преодоления социального неравенства остро стоит для большинства ближневосточных государств, и реализуемые в Иране проекты, направленные на поддержание уязвимых групп граждан, могут послужить прототипом для аналогичных проектов в других странах.

Среди ограничений модели в первую очередь следует обозначить особенности политической системы ИРИ. Иранская теократическая модель с доминирующей ролью религиозных авторитетов не является привлекательной для тех политических движений региона, которые основывают свою программу на демократизации, секуляризации и расширении участия общества в политических делах. Также неоднозначно оценивается вмешательство иранского государства в сферы частной жизни своих граждан, такие как навязывание исламского дресс-кода.

Следующее ограничение — сырьевой характер экономики — является общим для саудовской и иранской моделей. В настоящее время обе страны пытаются решить эту проблему посредством диверсификации экономики, однако у Саудовской Аравии для этого имеется больше возможностей, как финансовых, так и имиджевых, а ИРИ безусловно испытывает нехватку материальных ресурсов в результате санкционного давления, которое ограничивает возможности Ирана по развитию международного экономического сотрудничества. Очевидно, что результаты мероприятий, направленных на снижение доли доходов от экспорта углеводородов в бюджетах обеих стран, позволят выявить новые особенности их моделей развития, и успех одной из моделей (или обеих) может способствовать росту их привлекательности для ближневосточных государств.

Наконец, шиизм, с которым тесно ассоциируется иранская модель, ограничивает применимость этой модели в других странах «мира ислама» сразу по двум причинам. Первая состоит в том, что исторически шииты составляют численное меньшинство в большинстве государств региона, а вторая — в намеренно конструируемом извне негативном облике Ирана, внешняя политика которого в рамках «дискурсивных войн» изображается как экспансионистская, агрессивная и несущая «угрозу шиитизации» соседних государств.

Сравнительный анализ четырех моделей развития позволяет заключить, что каждая из них не лишена ограничений, что приводит к ситуации, когда ни у одной страны не хватает либо военно-стратегического, либо культурно-идеологического потенциала для реализации — на добровольной или принудительной основе — собственного видения регионального порядка. Это подтверждает особенность ближневосточной подсистемы международных отношений, состоящую в отсутствии в ней государства-ядра (центра),

способного играть роль регионального гегемона. В свою очередь, такое положение провоцирует внутри подсистемы постоянную борьбу за региональное лидерство, в которую вовлечены сразу несколько региональных держав.

В **Заключении** сформулированы основные результаты и выводы исследования, а также намечены дальнейшие перспективные направления изучения проблематики международно-политических аспектов суннитско-шиитских отношений.

В теоретическом плане данное исследование вносит вклад в понимание исторически обусловленных особенностей ближневосточной подсистемы международных отношений и закономерностей ее функционирования, что позволяет выделить ряд тенденций современного развития этой подсистемы.

На процесс становления и развития БВПМО повлияли, во-первых, османское наследие, а также последствия французского и британского колониализма, которые оказали непосредственное воздействие на существующие в регионе государственные границы, а также на характер и особенности политических систем в отдельных странах региона.

Во-вторых, ближневосточные общества характеризуются «глубокой разделенностью» и многоуровневой идентичностью, в структуре которой в последние десятилетия все более значимую роль играют архаичные уровни, такие как кланово-племенная и коммуналистская идентичность, а также наднациональный уровень — особенно этническая и конфессиональная идентичность. Все уровни идентичности ближневосточных обществ теснейшим образом взаимосвязаны между собой, а также с тенденциями и феноменами, пронизывающими внутригосударственные и межгосударственные отношения на Ближнем Востоке.

Наконец, международные отношения в ближневосточной подсистеме определяются также повышенной конфликтностью, отсутствием регионального гегемона и обусловленной этим перманентной борьбой за региональное лидерство нескольких центров силы (прежде всего Ирана, Турции и Саудовской Аравии), а также феноменами политизации и секьюритизации религии.

Как представляется, не вполне уместно говорить о безусловном антагонизме «общинного» суннитского и «сакрального» шиитского представлений о природе власти, поскольку суннитская концепция халифата предполагает «сакрализацию» власти халифа (на более поздних этапах — путем утверждения «символа веры»), в то время как шиитская концепция об имамате легла в основу принципа «веляят-э факих», предполагающего особую роль авторитетных богословов в осуществлении контроля над верховной властью в общине. Такой синтез «общинного» и «сакрального» обусловлен

тем, что в доисламскую эпоху оба представления сосуществовали в рамках единого пространственно-временного континуума, а после возникновения ислама неразрывность «политического» и «духовного» была закреплена кораническими принципами.

Переход суннито-шиитского антагонизма из разряда внутригосударственного противостояния в ранг важного фактора международных отношений на Ближнем Востоке произошел в рамках имперского периода, а именно — в ходе обострения межимперской конкуренции за лидерство в Ближневосточном регионе. Этот антагонизм во многом предопределил характер отношений между такими крупными империями, как Османская, Сефевидская, империя Моголов и Узбеков. В рамках осmano-сефевидского противостояния суннито-шиитский антагонизм фактически стал «краеугольным камнем», поскольку обе стороны прибегали к репрессиям в отношении конфессиональных меньшинств — шиитов в Османской империи и суннитов в Иране — и богословскому обоснованию ведения войн для реализации своих имперских амбиций. При этом важно подчеркнуть, что в ходе этого противостояния выкристаллизовывалась национальная и государственная идентичность Османской и Сефевидской империй, и конфессиональный фактор был одним из центральных элементов этой идентичности.

В имперский период внутри шиизма произошел спор между усулитами и ахбаритами, и победа усулитов стала важным фактором в формулировании аятоллой Р.М. Хомейни, лидером Исламской революции в Иране, своего видения принципа «веляят-э факих». В свою очередь, этот принцип лег в основу политической системы современной Исламской Республики Иран и предопределил особенности ее внутренней и внешней политики.

С 1979 г. одной из ярких тенденций развития ближневосточной подсистемы международных отношений является высокая степень политизации «исламского фактора» в мировой политике, а также собственно суннито-шиитских отношений. Кроме того, в целом ряде стран Ближнего Востока противоречия между суннитами и шиитами интернационализировались, выйдя за границы национальных государств.

Современный этап развития суннито-шиитских отношений начался в результате вторжения американского контингента в Ирак с целью свержения режима С. Хусейна и партии «Баас». Там самым был нарушен хрупкий этноконфессиональный баланс внутри иракского общества, и страну охватили гражданское противостояние и нестабильность. С одной стороны, сообщества, которые фактически не были представлены в правительстве в годы президентства С. Хусейна, по конституции 2005 г. были восстановлены в политических правах, а с другой — гонениям подверглась многочисленная

суннитская община Ирака, часть которой, будучи отстраненной от управления государством, примкнула к джихадистскому движению, обещавшему быстрое «восстановление справедливости».

События в Ираке вызвали всплеск шиитского политического активизма, который во многом стал ответом на жестокость джихадистов, а также поддерживался устремлениями Ирана оказывать содействие своим единоверцам в соседних странах. Кроме того, внешнее вмешательство в дела региона, не ограничившееся Ираком, после событий «арабской весны» спровоцировало конфликты в Сирии и Йемене, где также наблюдается сложная ситуация в отношениях между различными конфессиональными группами. Эта ситуация усугубляется активностью негосударственных (а именно — вооруженных) акторов, выступающих в качестве защитников интересов отдельных этнических или конфессиональных групп в условиях неспособности государств обеспечивать безопасность своих граждан.

Неопределенный статус таких акторов вынуждает каждое государство искать собственный путь взаимодействия с ними. Так, Ирак интегрировал народные «ополчения» «Аль-хашд аш-шаабий» в ряды национальных вооруженных сил, в Ливане военизированные отряды «Хизбаллы» фактически заменили армию в условиях затянувшегося политического кризиса, а в Сирии правительство примирилось с теми группами, которые оказали помощь в борьбе против террористов (как курдские отряды пешмерга).

Несмотря на высокий уровень конфликтности в БВПМО, нельзя полностью исключать возможности по сближению между суннитами и шиитами, тем более что история содержит целый ряд позитивных примеров. В частности, удалось достичь взаимного признания шиитского джафаритского мазхаба со стороны четырех суннитских религиозно-правовых школ: в настоящее время все пять мазхабов считаются одинаково легитимными. Кроме того, уже создан прецедент сообщества по сближению конфессий, «Джамаат ат-такриб», и хотя в настоящее время оно неактивно, заинтересованные государства могут способствовать возобновлению работы сообщества с целью урегулирования насущных противоречий. Основным вызовом, стоящим перед всем «миром ислама» вне зависимости от конфессии, является деятельность джихадистских группировок, которые угрожают безопасности не только иудеев, христиан и неортодоксальных этноконфессиональных общин Ближнего Востока (например, курдам-езидам), но и самим мусульманам, не согласным с радикальными интерпретациями исламского вероучения, предлагаемыми идеологами джихадистов. Причем угроза мусульманам со стороны таких группировок представляется тем более серьезной, поскольку о ней подчас даже не говорят не только СМИ, но и академическое сообщество.

Одним из серьезных препятствий для сближения конфессий внутри ислама могут служить взаимное восприятие, которое строится на ряде негативных и даже уничижительных образов, сформировавшихся в течение нескольких столетий, и не утихающие «дискурсивные войны». Преодоление негатива во взаимном восприятии потребует немало времени, а также более детального изучения исследователями.

В методологическом плане в данном исследовании на примере изучения международно-политического аспекта суннито-шиитских отношений была апробирована и показала свою состоятельность концептуальная рамка анализа влияния «исламского фактора» на процесс развития БВПМО. Синтез реализма и конструктивизма, междисциплинарный подход и отказ от строгого разграничения внутренней и международной политических сфер позволили преодолеть исследовательские ограничения, связанные с редукцией интересов суннитского и шиитского транснациональных подходов до национальных интересов крупнейших суннитского и шиитского государств — Королевства Саудовская Аравия и Исламской Республики Иран. Кроме того, подобный методологический подход позволил охарактеризовать роль суннито-шиитского антагонизма в ближневосточных конфликтах в Ираке, Йемене и Сирии и очертить круг акторов, использующих суннито-шиитские противоречия для реализации собственных политических целей в регионе, а также выявить специфику суннито-шиитских противоречий в Ливане и аравийских монархиях Персидского залива с целью оценки конфликтного потенциала этих противоречий.

К особенностям суннито-шиитских отношений в Ираке в современный период, во-первых, относится осуществленный государством после 2005 г. переход к консоциациональной модели государственного управления (близкой к ливанской) для обеспечения более справедливого и равного доступа всех общин к государственным институтам. Это пока не привело к полному примирению, но позволило создать базис для мирного сосуществования всех групп общества.

Во-вторых, в Ираке произошла конвертация социального влияния шиитских духовных авторитетов в политическое влияние: ряд видных аятолл Ирака взяли на себя функцию посредников в диалоге между суннитами и шиитами, подчеркивая в нем не конфессиональную, а общеиракскую идентичность.

В Сирии и Йемене решающую роль в политизации суннито-шиитских противоречий сыграли региональные акторы, склонные использовать эти государства для проецирования на них региональной межгосударственной конкуренции. Сирийский конфликт привел к серьезным изменениям демографического и религиозного ландшафта страны, что в будущем поставит

перед исследователями задачу изучения сосуществования различных общин в новых условиях.

Последствия вооруженного конфликта в Йемене, который до сих пор продолжается, пока полностью неясны. Наиболее явную угрозу представляет рост числа акторов, вовлеченных в этот конфликт, за счет Объединенных Арабских Эмиратов. Следует отметить, что сирийский и йеменский конфликты продемонстрировали наличие серьезного раскола внутри «суннитского блока» государств, который до этого казался монолитным: Катар и ОАЭ именно в рамках вовлечения в эти конфликты однозначно артикулировали свои намерения проводить независимую от Эр-Рияда внешнюю политику с целью увеличения собственного авторитета на мировой арене и конвертации своих финансово-экономических ресурсов в политическое влияние.

Анализ особенностей суннито-шиитских отношений в Ливане и аравийских монархиях позволил установить, что важным условием для мирного и конструктивного сосуществования представителей двух течений является адекватная представленность группы меньшинства (во всех случаях, кроме Ливана, речь идет о шиитах) в органах государственной власти как в центре, так и в провинциях. Наибольшую угрозу для этих стран несет проецирование региональной нестабильности и «маятника» отношений с Ираном на внутривнутриполитический уровень: установлено, что шииты, проживающие в аравийских монархиях, не являются «пятой колонной» Исламской Республики Иран, более того, они ищут возможности для налаживания диалога с национальными правительствами, а для этого всячески дистанцируются от любых инициатив, исходящих из Тегерана.

Наконец, в практическом плане в данном исследовании введен в научный оборот «индекс исламского фактора», рассчитанный по авторской количественной методике, которая включает в себя самостоятельную методику балльной оценки террористической активности исламистских групп. Эта методика может быть полезна в работе служб, обеспечивающих национальную безопасность Российской Федерации, различных федеральных органов исполнительной власти, которые сотрудничают с зарубежными странами в вопросах борьбы с международным терроризмом и экстремизмом, а также в аналитической деятельности ведомств, занимающихся проблематикой безопасности.

«Индекс исламского фактора» может быть успешно применен для анализа влияния «исламского фактора» на процесс формирования международных отношений в отдельных регионах мира с тем, чтобы впоследствии отслеживать динамику изменения этого влияния, выявления факторов и событий, повышающих или снижающих ИИФ в том или ином

регионе, а также определения акторов, наиболее активно использующих «исламскую» повестку в своих целях. Таким образом, базирующаяся на эмпирических данных методика оценки степени влияния «исламского фактора» на международные отношения существенно углубляет понимание отдельных процессов, протекающих на Ближнем Востоке, и выводит научное объяснение этих процессов на новый, более высокий уровень.

Среди наиболее перспективных направлений дальнейших исследований суннито-шиитских взаимоотношений, во-первых, можно выделить расширение географических рамок исследования за счет Африканского континента (в контексте борьбы между Ираном и Саудовской Аравией за влияние в Африке, особенно в Нигерии, Сенегале и т. д.), Южной и Юго-Восточной Азии, где также проявляется суннито-шиитский антагонизм, главным образом в Пакистане и Индии. Представляется целесообразным использовать методику расчета индекса «исламского фактора» для этих регионов, что позволит сопоставить значения этого индекса для различных регионов и сделать эмпирически обоснованные выводы о том, где на современном этапе ислам является наиболее политизированным.

Во-вторых, необходимо расширять исследование периодизации формирования и развития ближневосточной подсистемы международных отношений, уделяя особое внимание более ранним периодам — периоду халифата и имперскому периоду как наименее изученным в науке о международных отношениях. При этом важно избавляться от европоцентризма в изучении этой подсистемы и искать более объективные параметры для ее анализа.

В-третьих, в более тщательном изучении нуждаются исламские подходы к развитию международных отношений и примеры имплементации этих подходов, особенно в свете растущего интереса академического сообщества к незападным теориям международных отношений.

В-четвертых, перспективным направлением исследования являются страновые кейсы (конфликты и потенциальные очаги эскалации суннито-шиитского антагонизма), в рамках анализа которых важно рассматривать внутривнутриполитические изменения в неразрывной связи с факторами внешней среды, в которой развивается ближневосточная подсистема международных отношений.

Наконец, в рамках изучения моделей развития для «мира ислама» представляется значимым углубить исследование таких динамично развивающихся элементов этих моделей, как инструменты «мягкой силы» и религиозная дипломатия, в том числе с целью разработки методик оценки эффективности реализации этих инструментов.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Статьи, опубликованные в изданиях, индексируемых в международных базах Scopus и WOS:

1. Ponomarenko L.V., Lukyanova G.O., Paymakova E.A., Chikrizova O.S. Political Processes in Modern Morocco. Islamic Factor in Morocco's Domestic Policy // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts, SGEM 2016. Conference Proceedings. Sofia, 2016. P. 291–302.
2. Чикризова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 4. С. 545–565.
3. Чикризова О.С. Конфессиональный фактор в антибританском восстании 1920 года в Ираке // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 93–108.
4. Лукьянова Г.О., Чикризова О.С. Ключевые модели взаимодействия религиозных институтов в контексте государственно-церковных отношений на примере России и Египта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 4. С. 712–733.
5. Ивкина Н.В., Чикризова О.С. «Шиитский фактор» в общественно-политической жизни Нигерии (1994–2020): внутреннее и международное измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14, № 3. С. 524–540.
6. Чикризова О.С., Ивкина Н.В. Проблема существования «шиитского полумесяца» на Ближнем и Среднем Востоке: опыт количественного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 88–104.
7. Ранджбар Д.М., Чикризова О.С. «Позитивный мир» в исламском восприятии международных отношений: пример внешней политики Ирана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 278–295.
8. Пономаренко Л.В., Чикризова О.С. Роль образовательных центров в становлении и развитии транснационального шиитского движения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 1. С. 125–138.
9. Чикризова О.С. Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг. // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 30–44.

Статьи, опубликованные в изданиях, индексируемых в базе Russian Science Citation Index (RSCI):

1. Чикризова О.С. Дихотомия «обездоленные – высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 279–289.
2. Чикризова О.С., Морозова Н.Н. Шиизм в Марокко: историческое наследие и современность // Азия и Африка сегодня. 2020. № 5. С. 28–35.
3. Чикризова О.С., Константинова Д.А. Гендерные аспекты йеменского конфликта (2014–2023) // Азия и Африка сегодня. 2024. № 4. С. 13–20.

Статьи в изданиях, входящих в Перечень ВАК:

1. Чикризова О.С., Струкова Е.А. Заявления и выступления РПЦ по вопросу преследования христиан на Ближнем Востоке (2011–2020 гг.): опыт количественного анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 5. С. 48–58.
2. Лашина А.А., Чикризова О.С. Взаимное восприятие арабов и иранцев: история и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15, № 1. С. 65–80.
3. Чикризова О.С. Шиитские негосударственные вооруженные группировки на Ближнем Востоке: иракский кейс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 1 (842). С. 74–85.

Монографии:

1. Пономаренко Л.В., Лукьянова Г.О., Чикризова О.С. Королевство Марокко: жемчужина Арабского Запада (2-е изд., перераб. и доп.). Москва: Аспект Пресс, 2020. ISBN: 978-5-7567-1072-4

Публикации в других научных изданиях:

1. Чикризова О.С. Особенности межрелигиозного диалога в регионе Ближнего Востока и Северной Африки // Россия и мусульманский мир. 2024. № 2 (332). С. 80–88.
2. Чикризова О.С. Арабские страны-доноры в структуре официальной помощи развитию // Восточная аналитика. 2024. Т. 15, № 3. С. 149–157.

3. Chikrizova O.S. Peculiarities of Interreligious Dialogue in the Middle East and North Africa Region // *Russia and the Moslem World*. 2024. No. 4 (326). P. 120–130.
4. Чикризова О.С. Религиозная дипломатия Ирана в Африке // *Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ: материалы XXXII Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки* / отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.О. Победоносцева Кая, П.И. Рысакова. Санкт-Петербург, 2023. С. 490–492.
5. Чикризова О.С., Лашхия Ю.В. Религиозный фактор в мировой политике и международных отношениях // *Россия и мусульманский мир*. 2022. № 1 (323). С. 109–120.
6. Chikrizova O.S., Lashkhia Yu.V. Religious Factor in World Politics and International Relations // *Russia and the Moslem World*. 2022. No. 2 (316). P. 116–128.
7. Чикризова О.С. Суннито-шиитский антагонизм в условиях пандемии COVID-19 // *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран*. 2022. № 5. С. 256–266.
8. Чикризова О.С. Феномен религиозной дипломатии: опыт мусульманских стран для России // *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран*. 2020. № 3. С. 254–263.
9. Чикризова О.С. «Экуменизм» в исламе: исторические этапы преодоления суннито-шиитского антагонизма // *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран*. 2018. № 1. С. 166–172.
10. Чикризова О.С. Шиитская политическая оппозиция Бахрейна (1938–2011 гг.) // *Диалог цивилизаций: Восток — Запад: материалы XVI научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Российский университет дружбы народов* / под ред. В.Б. Петрова, О.В. Филатовой, В.А. Цвыка. М.: РУДН, 2016. С. 648–659.
11. Чикризова О.С., Сошникова Е.О. Роль Франции в формировании государственных границ на Ближнем Востоке и в Северной Африке в начале XX века // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2018. № 2. С. 61–74.
12. Чикризова О.С., Шумакова А.А. Влияние кризиса исламского образования на процесс радикализации Центральной Азии // *Постсоветские исследования*. 2020. Т. 3, № 4. С. 290–296.

13. Чикризова О.С., Демина А.А. Особенности становления и функционирования аналитических центров стран Ближнего Востока и Северной Африки // Альманах Казачество. 2019. № 40 (4). С. 68–83.
14. Чикризова О.С., Шумакова А.А. Образ христиан-коптов в египетском кинематографе // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6, № 3 (21). С. 468–478.
15. Чикризова О.С., Давлетшина Э.А., Курочкина В.А. Помощь КНР и РФ Сирии в целях развития в контексте проблем региональной безопасности (2011–2019 гг.) // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3, № 4. С. 85–102.

ЧИКРИЗОВА Ольга Сергеевна
(*Российская Федерация*)

**СУННИТО-ШИИТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ:
МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (1979–2024 гг.)**

Диссертационное исследование посвящено выявлению роли и особенностей суннито-шиитских отношений как элемента ближневосточной подсистемы международных отношений в 1979–2024 гг. Предложена авторская периодизация формирования и развития ближневосточной подсистемы международных отношений, разработана авторская методика балльной оценки исламского фактора, на основе которой вводится в научный оборот и рассчитывается индекс исламского фактора (ИИФ). Установлена взаимосвязь между нехваткой материальных ресурсов у государства или негосударственного актора международных отношений и его обращением к мобилизационному потенциалу идейно-ценностных компонентов идентичности сообщества, интересы которого отстаивает данный субъект. Доказано, что наиболее сильно суннито-шиитский антагонизм проявился в иракском конфликте, в то время как в Йемене противоречия между суннитами-шафиитами и шиитами-зайдитами долгое время занимали периферийное место в гражданском противостоянии, заметно уступая кланово-племенному фактору. Сделан вывод, что суннито-шиитский антагонизм в целом оказывает незначительное влияние на индекс исламского фактора, не превышая 10 % событий, учитываемых в индексе, поскольку на фоне общей политизации ислама в рамках ближневосточной подсистемы суннито-шиитские противоречия, подчас привносимые в конфликты искусственно, уходят на второй план.

CHIKRIZOVA Olga Sergeevna
(*Russian Federation*)

**SUNNI-SHI‘A RELATIONS IN THE MIDDLE EAST: INTERNATIONAL POLITICAL
ASPECT (1979–2024)**

The dissertation research focuses on identifying the role and distinctive features of Sunni–Shi‘a relations as a structural element of the Middle Eastern subsystem of international relations during the period from 1979 to 2024. The study proposes an original periodization of the formation and evolution of the Middle Eastern subsystem of international relations and develops an authorial methodology for the quantitative assessment of the Islamic factor, which introduces and calculates a new analytical tool—the Islamic Factor Index (IFI). The research identifies a correlation between the scarcity of material resources available to a state or non-state actor in international relations and its reliance on the mobilizational potential of the ideological and value-based components of the identity of the community whose interests it represents. It is demonstrated that Sunni-Shi‘a antagonism was most pronounced in the Iraqi conflict, whereas in Yemen, tensions between Sunni Shafi‘is and Shi‘a Zaydis remained peripheral to the civil confrontation for a long time, significantly overshadowed by clan and tribal dynamics. The study concludes that, overall, Sunni-Shi‘a antagonism has only a limited impact on the Islamic Factor Index, accounting for less than 10 percent of the events included in the index. This is due to the broader politicization of Islam within the Middle Eastern subsystem, where Sunni-Shi‘a divisions—often artificially introduced into conflicts—tend to recede into the background.